

Седьмое море

Автор:

Наталья Андреева

Седьмое море

Наталья Вячеславовна Андреева

Можно верить во что угодно, надеяться на чудо и при этом не замечать счастья, которое рядом... С большого круизного лайнера в новогоднюю ночь пропадает пассажирка. Муж активно ищет свою чрезмерно подвыпившую жену, но безрезультатно. После возвращения в Москву он вынужден обратиться в полицию. За расследование берется известный сыщик Леонидов. Но вскоре он понимает, что узнать правду об этом исчезновении скорее дело его чести, нежели желание родственников пропавшей. Все свидетели этого события заняты решением своих проблем и абсолютно равнодушны и к жертве, и к ее дальнейшей судьбе...

Наталья Андреева

Седьмое море

Посвящаю моему мужу Виктору Андрееву

Море седьмое, Балтийское

Согласно бытующему на Востоке поверью, человек, искупавшийся в семи морях, будет счастлив всю жизнь

В новогоднюю ночь никому не спалось. И морю тоже. Поначалу оно лишь прислушивалось к льющейся из окон круизного парома музыке и жадно ловило просоленным языком свинцовой балтийской волны брызги шампанского, летящие с открытой палубы. Но вместе с безудержно веселящимися в эту ночь людьми и море постепенно пьянело, дышало все взволнованней и чаще, пока в его могучей груди не забурлили пузырьки, выталкивая наверх огромные массы воды. Волна поднялась нешуточная, и сначала мягко, а потом все настойчивее и нетерпеливее ударила в стальные борта. Это был не шторм, а так, забава. Приглашение на танец, отчего по всему огромному телу парома прошла сладостная дрожь. Он качнулся раз, другой, третий, проверяя, насколько сильны морские объятья, и, уже не думая ни о чем, пустился в пляс. А люди... Люди ничего не заметили, полагая, что пьяны и качает вовсе не паром, а их самих. И это не ветер завывает, а просто шумит в ушах от выпитого шампанского...

– Анжелика, ты куда?!

– В бар!

– Какой бар?! Ты же на ногах едва стоишь! – возмутился он.

– Я в порядке! Ну, перебрала немного. Так ведь Новый год! – Она хрипло рассмеялась, покачивая в руке опустевший бокал. На губах блуждала бессмысленная улыбка, глаза смотрели мимо него, в толпу стоящих у барной стойки людей.

– Идем, я уложу тебя спать. – Он потянул Анжелику за руку. – Пора баиньки, дорогуша.

– Никуда я не пойду! – заупрямилась она. – Я хочу танцевать! И еще шампанского!

Он всерьез разозлился. Попробуй-ка останови пьяную бабу, да еще в новогоднюю ночь! Эти женщины с их фантазиями, прямо как дети малые, уверены, что каждый выпитый бокал – еще один шаг навстречу счастью, а не жуткому похмелью. Которое наступит завтра. Нет, уже сегодня. И к полудню Анжелика будет жалобно стонать: «Ну почему ты меня не остановил?!»

– Мы хотели сойти завтра утром в город – все же сделал попытку он. – Надо выспаться и набраться сил.

– Какой же ты зануда! В новогоднюю ночь не пьешь и другим не даешь! Как и не мужик вовсе!

– Что ты сказала?!

– А то! Ты импотент! – закричала она, перекрывая музыку. На них стали оборачиваться. – Ты даже меня не можешь трахнуть! – Ее ноздри гневно раздулись, ярко накрашенный рот искривился. – А на меня тут все мужики пьются!

Это была правда. Анжелика – женщина яркая. Кто из мужчин не обернется ей вслед, либо гей, либо и в самом деле импотент. Ей слегка за сорок, но лет десять она скинула благодаря регулярным визитам в дорогую клинику, где делают инъекции красоты и прочие омолаживающие процедуры. Татуаж, блефаропластика, имплантаты, увеличивающие грудь... Он сам, недоумевая, подписывал счета: сколько же эти бабы просаживают денег в неравной борьбе со старостью?!

Но деньги вложены не зря. Сейчас перед ним стоит гламурная красавица лет тридцати в коротком алом платье из лайкры, обтягивающем ее выдающиеся формы. Яркая блондинка, хотя волосы тоже, кажется, не настоящие. Она похожа на дорогую иномарку с солидным пробегом сразу после элитного капремонта, так и хочется сесть в салон, сладко замирая, положить руки на руль, вдохнуть запах новой кожи, которой обтянуты сиденья, погладить сверкающие панели... А уж прокатиться...

Кто бы сомневался, что, оставшись сейчас одна, Анжелика легко найдет компанию? И уж непременно приключений на свою голову.

Он попытался взять себя в руки. Она пьяна и не понимает, что говорит. Хотя что может быть для мужчины обиднее? Импотент! Залепить бы ей пощечину, да руки марать неохота. И народу вокруг слишком уж много. Анжелика накачалась шампанским, ей, понятное дело, море по колено, а вот ему неохота выяснять отношения. Не здесь и не сейчас.

– Завтра ты об этом пожалеешь. – Голос его был тихим, ей приходилось напрягаться, чтобы расслышать его слова. Она даже наклонилась вперед, отчего силиконовая грудь чуть было не вывалилась из глубокого выреза платья. Грудь была красивая, пластический хирург свой гонорар отработал. Стоящие рядом парни дружно уставились на два отливающих молочной белизной полушария. – Идем в каюту – не выдержал он. И угрожающе добавил: – Не делай глупостей.

– Да пошел ты! – Она пьяным жестом подтянула платье, больше провоцируя стоящих рядом мужчин, чем пытаюсь спрятать свои прелести. И тогда он потерял терпение. Да катись ты к черту!

– Я пошел – сказал, развернувшись к ней спиной. И мысленно выругался. Неужели же не одумается и не остановит?

Но Анжелика расхохоталась ему в спину:

– Импотент!

И зашарила в сумочке в поисках сигарет.

– Мальчики, кто даст мне прикурить? – услышал он хриловатый голос Анжелики и дружный ответ парней:

– Я!

Он подумал устало: «Надо бы вернуться, показать им, где их место, да и ей заодно». Повсюду были рассыпаны конфетти, под ногами путалась елочная мишура. Проходящая мимо женщина, вся в бриллиантах, в облаке сладких духов, хохоча, набросила ему на шею сверкающую гирлянду и притянула к себе, с надеждой заглядывая в глаза:

– О боже, какой мужчина! Свободен?

– Нет – отцепил он женщину вместе с гирляндой. – Я здесь с женой.

– Какая несправедливость! – всерьез обиделась дама. – Таким, как ты, надо запрещать жениться! Я потребую у президента, чтобы он издал такой указ! –

Она погрозила кому-то кулаком, глядя вверх, в потолок. – Все красавцы поступают в фонд общего пользования! Я хочу, чтобы у меня были красивые дети! Надо закрепить это законода... – она сбилась, но все же выговорила: – За-ко-но-да-тель-но.

«Наверняка какая-нибудь чиновница – подумал он, торопливо спускаясь по ступенькам на шестую палубу. – И тоже пьяная». А для чего, скажите, существуют эти новогодние круизы? Сюда едут развлекаться и пить, по ночам танцевать до упаду, забыв о серых буднях, а утром, чтобы не скучать, пожалуйста в порт! Каждый день – новый город, новая программа развлечений. Половина парома – дети. Для них есть игровые комнаты, детские дискотеки, аниматоры. Родителям очень удобно. Они могут отдохнуть и получить от жизни максимум удовольствия, пока дети находятся под присмотром.

Вот и сейчас: почти два часа ночи (по местному времени полночь), а дискотека по-прежнему детская. На танцполе одни малолетние. Они окружили диву в концертном платье, которая, похоже, всерьез опасается за перья на голове и за шлейф с такими же яркими перьями. Детишки так и норовят отщипнуть кусочек новогодней сказки, на память. Взрослые же сидят за столиками, либо, стоя у сцены, присматривают за малолетними детьми, попивая шампанское. Понятно, что Анжелика решила дождаться, когда все будет уже по-взрослому. И не она одна.

Путь ему преградила сидящая на ступеньках молодежь. Два парня и три девушки. Все были со стаканами в руках, один парень с бутылкой. Молодежь дружно распивала виски. Тот, что с бутылкой, зевал.

– Ты сюда спать приехал?! – трясла его за плечо худенькая девушка с синими, как небо, волосами. На них криво сидел колпак Санта-Клауса, белый помпон свисал «Снегурочке» на ухо. – Рванули на танцпол!

– Там сейчас детишки зажигают – отмахнулся от нее бутылкой парень. – Оно мне надо? Пусть их сначала родители бай-бай уложат. – Он лениво допил виски и положил опустевшую посуду на застеленную ковровой дорожкой ступеньку.

– Пойдем на другую палубу! – не унималась «Снегурочка». – Сегодня дискотека повсюду! Вставай же! Ну! Не спать!

– Молодые люди, вы не позволите мне пройти? – вежливо обратился он к сидящей на ступеньках компании.

Синеволосая девушка подняла голову и открыла от удивления рот. Потом вдруг покраснела и проворно вскочила:

– Пожалуйста!

– Спасибо.

Он перешагнул через пустую бутылку и вскоре ступил на палубу, где находились сьюты. В этот момент паром качнуло, и бутылка покатила по ступенькам вниз.

– Извините! – пискнула «Снегурочка», потому что он опять увидел перед собой пустую тару, которая катилась гораздо быстрее, чем он шел.

– Ничего. – Он нагнулся и поднял ее с пола. Зашарил взглядом: куда бы это пристроить? Эстонцы народ аккуратный, наверняка расставили повсюду коробки под мусор. Сегодня пить будут много. Паром снова качнуло. Раз, другой, третий...

«Ничего себе качка! – поморщился он. – Погода, похоже, портится». И шагнул к дверному проему.

– Глянь, мужик трезвый как стекло! – услышал за спиной.

– Да еще в костюме!

– И с галстуком!

– На шее, а не в кармане!

– В два ночи!

– А может, это мы до глюков допились? – предположил один из парней.

Он обернулся и помахал им рукой.

– Извините, а вы настоящий? – пискнула та, что с синими волосами.

– Вполне. А вам, молодежь, я советую переходить к десерту. Магазин дьюти-фри уже закрылся.

– А у нас еще много! Мы готовились! – Парень постарался сдержать очередной зевок и прикрыл ладонью рот.

– Понятно – вздохнул он. – Стратегический запас виски перекочевал с полок магазина дьюти-фри именно в вашу каюту. Что ж, не буду вам мешать.

– Может, он здесь на работе? – раздался неуверенный женский голос.

«Почти – мысленно похвалил он сообразительную блондинку и на этот раз уже не обернулся. – Я решаю свои проблемы, в то время как вы предпочли о своих забыть. Да и какие у вас проблемы, молодежь? Двадцать лет, вся жизнь впереди. Поколение селфи: я на фоне, ключевое слово – «я». Мне бы так жить».

Он просто не мог сейчас расслабиться и так же, как все, предаться безудержному веселью. Да, это новогодняя ночь. Да, они в кризисе. Но послезавтра паром причалит в Питере, и часы уже будут отсчитывать новое время, а год обещает быть очень непростым. И как тут расслабиться? Дел невпроворот, а тут еще проблемы в семье...

«Надо вернуться» – вновь подумал он. Но сначала не мешало бы заглянуть в свою каюту.

– А я бы за такого замуж пошла не раздумывая – неожиданно сказала девушка с синими волосами и со вздохом поправила упавший на ухо белый помпон.

...Даниил Голицын открыл глаза и долго пытался понять: где я? Широкая двуспальная кровать почему-то ходила ходуном. За окном было серое небо, того неприятного оттенка, который, если долго не отводить взгляда, вызывает приступ глухой тоски, и почему-то чайки. Их пронзительные крики и помогли

Голицыну вспомнить: я на пароме. Который, похоже, причаливает, потому его так и трясет. А в порт, согласно расписанию, паром должен прибыть в десять часов утра.

- Анжелика! - позвал он и покосился вправо.

Кровать с той стороны, где, по идее, должна была спать жена, оказалась пуста. Он вспомнил, что в новогоднюю ночь они вконец разругались, и поморщился. Не надо давать жене столько пить. Алкоголь делает Анжелику агрессивной и слишком уж активной. Теперь надо не потерять лицо и сделать вид, что ничего такого особенного не случилось.

«Кто видел и что именно видел?» - напрягся он. Надо встать и умыться. Побриться и почистить зубы. Словом, привести себя в божеский вид. А потом идти искать жену.

- Первого января - его нет - вслух сказал он, порезавшись опасной бритвой. И, чертыхнувшись, пошел искать какой-нибудь антисептик. В конце концов смочил салфетку в коньяке и приложил к саднящему порезу. С Новым годом!

В самом деле: сколько пассажиров сможет сегодня сойти на берег? И вообще: энтузиасты есть? Голицын не помнил, во сколько уснул сам, и уж тем более не помнил, во сколько разошлась их компания. Сема, Софа, Димка с Дашей... Кажется, Зебриевича здорово развезло, пить он не умеет. Сажин, тот в своем стиле: как огурец. Дашка...

Голицын вспомнил, как они, пьяные, целовались на открытой палубе, обдуваемые всеми ветрами, и глухо застонал. Нет, это было не сейчас. А давно. Лет двадцать назад. Сейчас - это желаемое за действительное. Дашка из-за стола ушла первой и легла спать. Никакого адюльтера не было. Даже намек на адюльтер. Потому что лицо в порядке, не считая свежего пореза от бритвы. Позволь они с Дашкой себе хотя бы один, вполне дружеский поцелуй, на месте лица был бы сейчас один сплошной синяк. Димка Сажин даже невинных шалостей по отношению к своей жене не спускает. Значит, почудилось.

Он потянулся к телефону и позвонил в каюту Сажиных. Трубку взял Димка.

- Слушаю.

- Привет! Это Дан.

- Я догадался.

- Моя жена не у вас?

- С какой стати? – удивился Сажин.

- Понимаешь, мы вчера поругались...

- А... Мы тоже. Но моя жена на месте – насмешливо сказал Димка.

- Значит, не сильно поругались. Не так, как мы, потому что моей нет.

- А зачем столько пить?

- Знаешь, мы были не пьянее других! – разозлился он на Димку. Тоже мне, моралист! – Просто я на какое-то время выпустил Анжелику из виду. Мы с Семой терли за кредит.

- Нашел время и место – буркнул Сажин. – Сема все равно был пьян в стельку и вряд ли что вспомнит.

- За деньги Сема всегда вспомнит. Ладно. Позвоню Зебриевичам. Вдруг Анжелика у них? Кстати, вы на берег собираетесь?

- Конечно!

- Тогда увидимся. Таллин – город тесный.

- На всякий случай: в полдень на смотровой площадке.

- О'кей.

Он вздохнул и дал отбой. Жена, конечно, баба упертая, но не такая, чтобы ночевать у Сажиных. Слишком уж много у них с Дашкой... как бы это сказать? Разногласий? В общем, до этого круиза они практически не общались.

Он набрал номер Зебриевичей. Трубку взяла Софа.

- Але? - протяжно зевнула она.

- Доброе утро. Это Дан.

- А, Данечка, здравствуй! Как твоя жена? У меня есть аспирин. Сема уже принял.

- Лучше бы он пива принял.

- Ни-ни! Сема два дня кряду не пьет!

- Я так понял, что Анжелика не у вас?

- Что ей тут делать? - искренне удивилась Софа. - Жена должна быть с мужем.

«В самом деле, нашел кому позвонить! Софа скорее задушит Анжелику, чем положит ее в одну каюту с Зебриевичем!»

- Вы на берег собираетесь? - услышал он в трубке хриплый голос Семы. Похоже, аспирин Зебриевич принял не зря. Неужели вчера и он прогулялся по открытой палубе?! А ветер поднялся нешуточный. Ветер плюс сумасшедшая влажность при нуле градусов. Так и ангину схватить недолго.

- Сажины точно сойдут в город. А я буду искать жену.

- Анжелика - баба с норовом - вздохнул Сема. - Не скоро остынет.

- Ты что, видел, как мы ссорились?!

- И видел, и слышал. Ты ей такого наговорил!

- Полагаешь, она с каким-то мужиком в его каюте?

- Если такое предположить, то надо разводиться - хмыкнул Зебриевич. - Дан, ты сам мужик или нет?

- Ты на что это намекаешь? - он начал злиться.

- Урезонил бы ты свою красавицу. Ей как-никак сорок лет, а скачет, словно какая-нибудь малолетняя... г-мм... коза. Много себе позволяет. Распустил ты ее, Дан - попенял Зебриевич. - Вдруг она уже сошла на берег? Тайком улизнула, чтобы тебя проучить.

- Без завтрака? - засомневался он. - Хотя... Она же вечно на диете. Но она вчера столько выпила!

- Не больше, чем я - тяжело вздохнул Сема. - Но проснулся я в девять. И, как видишь, вполне адекватен. Посмотри хотя бы: ее вещи все на месте?

Голицын обвел глазами каюту.

- Вроде шубы нет.

- Вот видишь!

- А сапоги на месте.

- А она вчера на ужине в чем была?

- Ну, в ботфортах.

- А это что, не сапоги? - ехидно спросил Сема.

- Ты хочешь сказать, что она накинула шубку и в замшевых ботфортах сошла на берег?

- Там, конечно, не лето, но и не зима - философски заметил Зебриевич.

На улице на самом деле была плюсовая температура. Снега ни в Хельсинки, ни в Стокгольме, где они причаливали вчера, ни здесь, в Таллине, не было и в помине. И даже радовали глаз зеленые газоны. Погода продолжала преподносить сюрпризы.

- Да, это похоже на правду - задумчиво сказал он. - Раз нет ее шубы и самой Анжелики нет ни у нас в каюте, ни у вас, ни у Сажиных, значит... Не могла же она испариться?

- Слушай, Дан, идем завтракать? Есть чертовски охота после этого новогоднего банкета. Одни салаты, мать их. Травя с майонезом.

- Ты просто до горячего не дожил - хмыкнул он.

- А было? - с сомнением спросил Зебриевич.

- Все было, Сема. И вино, и цыгане, и девки в ажурных чулках. Только ты еще при встрече русского Нового года накидался. На эстонском пытался плясать канкан, а уж про шведский я вообще молчу.

- Вот-вот! - раздался на заднем плане голос Софы. - Сема - ты ж алкоголик!

- Женщина - ша!

- Увидимся на завтраке - с улыбкой сказал он, слушая, как вяло переругиваются Зебриевичи. Вот у них вчера с Анжеликой было с огоньком! Черт, но куда же она подевалась?..

...На берег он все-таки сошел, рассчитывая встретить жену в Таллине, на одной из узких улочек, вымощенных брусчаткой. Таллин город маленький, если иметь в виду его исторический центр, пешеходную зону, пересекающую границы которой не стоит, ничего интересного дальше нет. Разве что магазины, но по ассортименту они мало отличаются от отечественных. На Ратушной площади стоит задержаться, выпить стаканчик огненного грога, поглазеть на местный колорит, разложенный на прилавках торговых рядов, полюбоваться новогодним убранством города, послушать, что поют со сцены. Здесь в основном и бродят

туристы. Анжелику, разодетую в красные ботфорты и в отделанный рысью белоснежный норковый полушубок, среди них трудно не заметить, это все равно что проигнорировать стоящий на перекрестке светофор. Стоп-сигнал: красные ботфорты. Сумочки жены в каюте тоже нет, а ведь в кармашке лежат не только сигареты и губная помада, но и кредитка с мобильником. На мобильник он звонил каждый полчаса и каждый раз слышал длинные гудки, а потом неизменное: «Абонент временно недоступен...»

Жена упорно не брала трубку. Подул холодный ветер, с неба посыпалась мелкая крупа, то ли снег, то ли дождь. Голицын начинал злиться, даже похмелье прошло. Таллин прекрасный город, но первого января его улицы выглядят ужасно. В новогоднюю ночь здесь гуляли, и гуляли широко. Мусор с улиц еще не успели убрать, кое-где встречаются разбитые бутылки, подозрительные, дурно пахнущие лужицы, не все ведь смогли донести до отеля содержимое желудка.

Взгляд Голицына уперся в детскую прогулочную коляску со сломанным колесом, прислоненную к серой стене одного из домов. Не город, а поле боя, честное слово! Тем не менее охрипшие за праздники экскурсоводы, высоко поднимая над головой зонтик или какой-нибудь иной опознавательный знак, уже ведут за собой косяки зевающих туристов.

– А теперь посмотрите направо! Здесь вы видите...

«А я ничего не вижу! – зло подумал он. – То есть не вижу того, кого мне надо. Как же мне осточертели эти исторические развалины! Да еще первое января!»

На смотровую площадку к полудню он не попал. Но Сажины, оказывается, задержались, чтобы насладиться панорамой Таллина. Даша зашла в одну из лавочек, витрины которой заманчиво сияли янтарем, и стала прицениваться к украшениям. Димка остался у парапета. Там они и встретились.

– Привет – усмехнулся Сажин, разглядывая помятое лицо Даниила. И, видя, что он один, участливо спросил: – Жену не нашел?

– Черт его знает, куда она подевалась – с досадой сказал Голицын.

– Слушай, Дан, нам пора бы и о деле поговорить. Я понимаю, что Сема вчера был пьян, но что это за намеки? Якобы твоей доли в фирме уже не существует. Ты

можешь мне объяснить, что с ней случилось?

- Давай не сейчас - раздраженно сказал он. - Ты же видишь: мне не до того.

- Хорошо - кивнул Сажин - я подожду, пока объявится твоя жена. Но ты на всякий случай учти: это был твой последний шанс.

- Я, кажется, понимаю, в чем причина - усмехнулся он и кивнул на приближающуюся Дарью. - Вчера я, как и все, был пьян, но кое-что помню.

- Ты... - дернулся Сажин, но сдержался, встретив жену натянутой улыбкой: - Присмотрела что-нибудь?

- Дорого все - поморщилась Даша. И, боясь встречаться с Голицыным взглядом, спросила: - Дан, ты нашел Анжелику?

- Ты же видишь, что он один - раздраженно сказал Димка, тоже боясь смотреть в глаза жене.

Двадцать лет этому банальнейшему любовному треугольнику, вернее, четырехугольнику, потому что есть еще Анжелика. А все никак это строение не рассыплется, хотя, казалось, отношения они выяснили уже давным-давно. Но вчера...

«Так было или не было?» - мучительно вспоминал он. Утром Сажины проснулись вместе, в своей каюте, в одной постели, а Анжелика исчезла.

Всерьез Даниил Голицын заволновался к вечеру, когда паром готовился отчалить. Допустим, Анжелика решила мужа проучить, но терпением она никогда не отличалась. Прятаться весь день не в ее характере. Тем более здесь Димка. У них какие-то отношения, наполовину деловые, на четверть дружеские, но есть еще одна четвертая, которая большей частью на совести Анжелики. Как все красивые женщины, она уверена, что при желании может заполучить любого. На кой черт ей Сажин при таком муже, совершенно непонятно, но логика красивых женщин, опять-таки, не поддается разуму. Если уж Сажин не знает, где сейчас Анжелика, значит, ее здесь, на пароме, нет.

- Пора бить тревогу – вздохнул практичный Сема, когда вся компания собралась в люксе Зебриевичей на военный совет.

- Мы все еще за границей – нахмурился Димка Сажин. – Не криминал, но проблема в том, что паром находится в движении. Если Анжелика исчезла, то непонятно, на территории какого государства?

- Как это какого? – удивилась Даша. – Этого. Эстонии.

- Ночью мы еще были в Швеции – напомнил ее муж.

- Ты думаешь, что... – охнула чувствительная Софа.

- Так, ша! – осадил жену Сема. – Будем исходить из того, что баба перепила. Дан, ты не обижайся, но возле нее вчера много мужиков крутилось. С кем-нибудь из них она вполне могла загулять. Предлагаю пойти к гидам, которые по-эстонски говорят. Пускай узнают у команды, сколько человек сошло на берег и сколько поднялось к отплытию на борт.

- Молодец – удивленно сказал Сажин. – Вот что значит банкир! Дебет-кредит. Идемте, проверим математикой логику.

Русские гиды, сопровождающие паром, им не обрадовались.

- Каждый год что-то случается – вздохнула крашенная блондинка лет сорока, не трогаясь с места. – Очень уж много русские пьют.

- Не больше, чем финны – резко сказал Сажин. Когда надо, он мог быть жестким. – Не стойте столбом, барышня, нам нужна информация. Не остался ли кто на берегу?

- Но погранконтроль мы проходим только в Финляндии! – с отчаянием сказала блондинка. – Здесь же на выходе в город никакого штампа в паспорт не ставится! И никто в эти паспорта не смотрит!

- Не пудрите мне мозги – поморщился Сажин. – Когда мы сходили на берег, штрихкод на наших паспортах отсканировали. У вас есть база, вы наверняка

знаете, кто сошел на берег, а кто остался. И кто потом поднялся на борт.

- Не у нас, а у них! - занервничала блондинка. - Вы что, не понимаете, им на наши проблемы наплевать?! У них график, завтра утром паром причаливает в Питере, а вечером снова идет в круиз, на этот раз в рождественский! Они не станут задерживать отплытие из-за русской женщины, которая отстала!

- Дан, позвони ей еще раз - хмуро сказал Сажин.

Голицын послушно достал мобильник и набрал номер Анжелики. «Абонент не отвечает...»

- Странно, что она его не отключила, просто не берет трубку - переглянулись Софа с Дашей.

- Это как раз таки по-женски - хмыкнул Димка.

- Много ты понимаешь! - тут же огрызнулась его жена. Сажины все время ссорились, они вот уже лет двадцать как состояли в законном браке, но создавалось ощущение, что Димка с Дашей все еще друг к другу притираются.

- Я постараюсь что-нибудь сделать - сдалась блондинка.

Видимо, старалась она плохо, потому что Анжелика так и не нашлась. Следов ее тоже не обнаружилось, как выяснилось, в Таллине осталось аж пять человек, то ли отстали, то ли так и было задумано. Но чтобы выяснить их фамилии, предстояло проделать определенную работу, а эстонцы явно торопились. Базу они отказались предоставить, вернее, согласились, но только по запросу правоохранительных органов.

- Причалите в Питере - идите в полицию - посоветовала спокойная как танк блондинка.

- А если вдруг на пароме найдется женский труп? - озвучила Дарья мысль, которая вот уже сутки мучила всю компанию.

- Он бы уже нашелся - философски заметила женщина-гид.

– Паром огромный – нахмурился Сажин. – Десять палуб. Вы что, обшарили их все?

– Кому надо искать какую-то... – Под его тяжелым взглядом блондинка осеклась. – По прибытии в порт будет генеральная уборка. Не сомневайтесь: эстонцы все вылижут до блеска перед тем, как паром снова отправится в круиз. Если женщина, которую вы ищете, здесь, то ее обязательно найдут. Я запишу ваши телефоны, но в полицию все равно обратитесь.

– Само собой. – Опять-таки Сажин сказал это за Даниила Голицына, законного супруга пропавшей. Неужели у Димки с Анжеликой и впрямь что-то было?

Зебриевич странно усмехнулся.

– Да уж, только полиции нам не хватало – сказал он. – Давненько я не имел с ними дела. И не хочу.

– Тебе-то что? – толкнула его локтем в бок Софа. – Не твоя ведь жена пропала!

– Кому-то повезло, но не мне – вздохнул Зебриевич.

– Как ты можешь шутить в такую минуту? – укоризненно посмотрела на него Дарья.

– По-твоему, я должен, как и все, лицемерить? – огрызнулся Сема. – Пропала вздорная баба, которая всем нам делала нервы. Или я не прав?

Компания дружно молчала.

Они так и отчалили из Таллина в полном неведении. В питерском порту их пути расходились. Зебриевичи предпочли самолет, поэтому поехали в Пулково, Сажины купили обратные билеты на «Сапсан», и путь их лежал на Московский вокзал, что касается Голицыных, то они прибыли в порт отправления парома на своей машине, которая тоже совершила круиз по Балтике и теперь дожидалась в грузовом отсеке своих хозяев.

– Повезло, что ты не привязан ко времени – хмуро сказал Сажин. И предложил: – Помощь нужна, Дан?

– А чем ты мне можешь помочь? – криво усмехнулся тот.

– В любом случае держи меня в курсе.

– Само собой.

Сажины уехали первыми. Зебриевич закопался у такси и сделал это намеренно. Проводив глазами машину, на которой уехали Димка с Дашей, он не спеша подошел к Голицыну.

– И что нам теперь делать, Дан? – спросил, глядя в упор.

– Хочешь сказать, что поездка не удалась?

– Как посмотреть – по-птичьи наклонив яйцеобразную голову набок, протянул Сема. – Я, признаться, не того ожидал, но как вышло, так вышло. В свете новых обстоятельств...

– В свете новых обстоятельств я прошу отсрочку – оборвал он Зебриевича.

– Даня, Даня – покачал головой тот. – Опасно играешь. Ох, смотри!

– Тебе нужны от меня деньги, ты их получишь. Что до остального...

– Остальное меня не касается. Я тебе позвоню. Софа, в машину! – И Зебриевич намеренно громко хлопнул дверцей. Это был знак того, что Сема раздосадован. Он не любит попусту тратить время, а поездка, на которую Зебриевич так рассчитывал, закончилась ничем. То есть ключевая фигура, Анжелика, исчезла.

Такси, на котором Зебриевичи поехали в Пулково, скрылось из вида. Даниил Голицын наконец остался один. Поскольку жены нет, то и планов больше нет. Начать надо с главного: пойти в полицию и написать заявление. Запустить, так сказать, процесс. Пусть сами разбираются, на территории какого государства должно проводиться расследование и кто вернет Даниилу Голицыну жену, в

крайнем случае предоставит исчерпывающие сведения о ней. Люди не исчезают бесследно. Во всяком случае, не с круизного парома в новогоднюю ночь.

Леонидов

Кто не видел новогоднего Невского проспекта, тот много потерял. А кто не имеет в Питере друзей, потерял еще больше. Потому что бродить под Рождество со своими друзьями по Невскому, прямому, как натянутая стрела в оперении сияющих витрин, глазеть на величественные фасады аристократических домов, непринужденно болтать и терпеливо мерзнуть в предвкушении стаканчика горячего ароматного пунша – что может быть лучше?

Алексею Леонидову повезло вдвойне. У него был друг в Питере и была возможность встретить там Рождество. С женой и дочерью. Сын-студент получил шанс отпраздновать недолгую свободу со своими друзьями, в просторной родительской квартире.

– Только не разгромите здесь все – предупредила Саша, перед тем как за ними закрылась дверь.

Сын согласно кивнул и кинулся к зазвонившему телефону. Леонидов подхватил чемодан и направился к лифту.

После разрыва они с женой сходились долго и мучительно. Взаимные обиды и претензии словно наложили на их рты печати. Чтобы помириться, необходимо сдерживаться, а как тут сдержаться? И Саша молчала. Ни разу не спросила, где сейчас та женщина, с которой изменил ей муж? Почти что ушел к своей тренерше после того, как они месяц прожили на спортивной базе, расследуя убийство скипера олимпийской сборной по керлингу. Почти...

Лера уехала сразу после Олимпиады, где сборная, главным тренером которой на тот момент и являлась Климова, медали не взяла. В Канаду, вроде бы на стажировку. Лерина беременность оказалась как нельзя кстати. С будущей матери какой спрос? Токсикоз и все прочие прелести. И Климова после досадного поражения сборной отделалась относительно легко. Ей посоветовали

переждать годок-другой, а потом вернуться в большой спорт. Это ведь была не последняя зимняя Олимпиада, жизнь продолжается. О том, что у него родился сын, Алексей узнал по скайпу.

- Домой собираешься? - спросил он, пытаясь разглядеть на дисплее своего ноутбука, на кого похож маленький Алешка. Или Алекс? Того, что его сын будет гражданином Канады, Леонидов не мог себе представить даже в самом страшном сне. Это было страшнее самого страшного сна. Но Лера всегда делала по-своему. Потому они и расстались. «Мистером Климовым» Алексей быть категорически отказался.

- Нет - твердо сказала она. - Домой не собираюсь. - И улыбнулась насмешливо: - Ну а ты? Не жалеешь? Ты ведь теперь невыездной.

- Нет - так же твердо ответил он и поставил на этом точку.

Сын был Леонидова, но фамилию носил не его. Ее. Алекс Климов.

Алексей долго думал: сказать ли жене об этом ребенке? Саша делала вид, что о Лериной беременности не знает, или и в самом деле не знала? Эсэмэску, ту самую, «я все равно оставлю ребенка», Алексей удалять не стал. Женщины любопытны. А если у мужа есть любовница, любопытны до остервенения. А как там? Как он ее называет, ту женщину? Нежничают они или ссорятся? Любовь это или увлечение? Алексей надеялся, что Саша эсэмэску прочитала, и ждал вопроса: ну что там? Неужели родила? Но Саша молчала.

Наконец он решился. Вечером, за ужином, глядя в стену, промямлил:

- Лера родила сына.

- Доволен? - зло сказала жена.

У него язык не повернулся сказать «нет». Как-никак человек родился. Бог с ним, пусть в Канаде. И Лера счастлива, это видно по ее лицу. У нее наконец-то есть ребенок, свой, родной, а не девочки из сборной, которым она как мать, но это совсем не то материнство. Теперь у Леры есть сын, принадлежащий ей безраздельно. И она сделает все, чтобы у этого ребенка было счастливое

детство и достойное будущее. Сказать, что он, Алексей Леонидов, об этом жалеет – значит солгать.

Поскольку Леонидов молчал, высказалась жена:

– Ты превратил мою жизнь в ад, потому что ты всегда мне изменял!

– Было-то всего один раз! – разозлился и он.

Алексей имел в виду эпизод десятилетней давности, а вовсе не Леру. Потому что с Лерой – это была любовь. Глубокая как море и горячая как солнце. Они оба потеряли голову. И он никогда не забудет заснеженных тропинок в огромном парке, вкус Лериных губ, немного дрожащих от волнения, ее счастливые глаза и собственное состояние, не похожее ни на что. Состояние щенячьего восторга и трепетной влюбленности, когда весь мир – это Она, и за плечами словно крылья вырастают, стоит ей только улыбнуться и дать понять, что ты ей тоже небезразличен. Это была любовь, которая навсегда останется в прошлом, именно как любовь, а не как случайный эпизод в наполненной событиями жизни. У этой любви просто не было будущего и не могло быть. Слава богу, они с Лерой оба это поняли.

– Не ври мне! – расплакалась жена. – Знаешь, как говорят? Повадился кувшин по воду. Ты сильно изменился, Леша. Настоящий мачо – горько сказала она. – То на работе пропадаешь, то на тренировках. И я каждый раз думаю: а где он на самом деле?

– Что тебе мешает записаться в фитнес-клуб? Заодно проверишь, там я или нет – пожал он плечами.

Спортом Леонидов вновь занялся на олимпийской базе ради Леры, отличной спортсменки. Хотелось ей понравиться. И не бросил после того, как они расстались, потому что втянулся. Что касается женщин, то они его больше не интересовали, хотя в фитнес-клубе красоток хватало. Самый жар, когда костер уже догорает и сердце после того, как угли перестанут тлеть, рассыпается в пепел. Ровные, спокойные семейные отношения – вот что Леонидову теперь осталось после этого огромного костра. И Алексей изо всех сил пытается их восстановить. Молчит и терпит. О Лере больше ни слова. Да и то сказать, они почти не общаются. Возвращаться на родину Лера не собирается, в Канаде ей

понравилось. Какие могут быть чувства, когда мужчину и женщину разделяет океан? Она сюда сына не привезет, а Леонидову, как силовику, за границу ходу нет. Если Лера вдруг выйдет замуж, он нисколько не расстроится. Потому что теперь живет с женой.

«Я живу с женой. И точка» – сказал он про себя и с улыбкой предложил Саше встретить Рождество в Питере.

– Что это изменит? – горько спросила она, вытирая слезы.

– Мы можем хотя бы попытаться, милая – мягко сказал Алексей. – Я знаю, что был не прав. Но и твоя вина здесь есть. Я же не вспоминаю о твоей измене.

– Так ведь ты первый! – сверкнула глазами Саша. – А я тебе назло! Я думала, Леонидов, что мы расстались!

– И я так думал. Это меня оправдывает?

Она прикусила губу. И, немного подумав, сказала:

– Хорошо. На Новый год поедem в Питер.

...Друг Алексея Леонидова, с которым они вместе учились когда-то в академии, сделал карьеру в питерской полиции. Сейчас плечи Юрия Панова украшали полковничьи погоны. В отличие от Леонидова бывший сокурсник на коммерцию не отвлекался и себя искать не пытался, просто служил, ревностно выполняя свои должностные обязанности. И дослужился в итоге до солидного чина. А там и до генерала недалеко. Почему бы нет?

– Здравия желаю! – вытянулся в струнку Алексей, когда они встретились на Московском вокзале.

– Вольно! – скомандовал Юрка Панов и с широкой улыбкой раскрыл объятия: – Рад тебе, Лешка! Смерть как рад!

- Почему же смерть, а не жизнь? – улыбнулся он, с трудом освобождаясь от медвежьей хватки Панова.

- Так ведь мы с тобой при смерти состоим – подмигнул Юрка – профессия такая. А ты молодец – с удивлением сказал он, отступив на шаг и внимательно разглядывая Леонидова. – В спорт вернулся? Я имею в виду в любительский. Выглядишь шикарно!

- намекаешь, для профессионального я уже вышел в тираж? Я свои восемьсот, Юрка, и сейчас пробегу, не с олимпийским рекордом, конечно, но достойно.

- Молодец! – повторил Панов. И так же широко улыбнулся Саше: – Как доехали?

- Хорошо. – Она посмотрела на мужа и добавила: – Спокойно. Он же теперь спортсмен. Если и пьет, то чуть-чуть.

- Да он и раньше не увлекался.

- Да было! – рассмеялся Алексей. – Я, Юрка, все прошел, огонь, воду и медные трубы. – Под взглядом жены он осекся. Про медные трубы не стоило, они только-только забыли о Лере. Или не забыли? Все начиналось со славы, Лера сначала заинтересовалась «самым гениальным сыщиком в Москве», а уж потом...

- С чего начнем? – встряхнулся Алексей. К черту воспоминания!

- Как это с чего? С ресторана! Надо же Новый год отметить!..

- Ну как там у вас, в Москве? – после горячего и коньяка Юрка слегка размяк. – Тихо-спокойно?

- Когда это у нас в Москве было спокойно? Помаленьку.

- Ну и нас... – Панов тяжело вздохнул. – Помаленьку.

- Вижу: прячешь камень за пазухой – подмигнул Алексей. – Давай уже, доставай.

– Ничего-то от тебя, Лешка, не скроешь! – восхищенно сказал Панов. – Глаз-алмаз! Великий ты психолог, Леонидов – польстил он. – Таких, как ты, в органах мало, да и преступления, надо сказать, как под копирку. Либо бабки, либо ревность. Но в основном бабки.

– А ты столкнулся с чем-то нетривиальным? – Сердце у Алексея сладко замерло. Тосковал он по детективным загадкам. Кругом рутина, так и мозги закиснут. Вот уже год – ничего стоящего. Ревность и деньги, но в основном деньги, как правильно сказал Юрка.

– Как раз по твоей части – энергично кивнул Панов. Саша и Ксюша были увлечены десертом и разговору мужчин не мешали. – Загадочный случай.

– Ну? Говори! – Алексей подался вперед и стал внимательно слушать.

– Пропала женщина. Погоди, не морщись. Она исчезла, понимаешь? Испарилась. С круизного парома. Никто не знает, как и где это случилось. А главное, кому расследовать это преступление, если оно вообще имело место быть? Шведы кивают на эстонцев, эстонцы на нас, питерских, ну а мы, питерские, надеемся на московских, потому что пропавшая женщина – москвичка.

– Хотите перекинуть мячик по месту жительства? – прищурился Алексей.

– Ума не приложу, что вообще с этим делать? – развел руками Панов. – Ее муж пришел в отделение полиции, которое находится в порту. И тоже спросил, что ему делать.

– Когда это было?

– Второго января.

– А сегодня шестое. Женщина так и не объявилась?

– Не объявилась – кивнул Панов.

– Но есть шанс, что она просто решила остаться за границей. Так ведь бывает.

– Бывает. – Юрка вновь энергично кивнул. – Сначала все говорило об этом. Из каюты исчезла ее шуба. Также при даме была сумочка, а в сумочке мобильник и кредитка. Денег на ней хватало. Мобильник не отвечал. Длинные гудки. Потом «абонент временно недоступен».

– Ну, вот видишь! – разочарованно сказал Алексей. – Жена сбежала от мужа. – Он покосился на Сашу, увлеченную яблочным штруделем.

– Сумочка-то нашлась! – подмигнул Панов.

– Нашлась? Где? Когда?

– Второго и нашлась. Валялась на открытой палубе. Остается лишь удивляться честности капиталистов. Все цело, и кредитка, и мобильник. Не хватает только пачки сигарет, но не думаю, что эстонцы ее свистнули. Они нашли сумочку, когда зазвонил мобильный телефон. Муж вызывал пропавшую каждые полчаса.

– Выходит, на берег она не сходила?

– Получается, так. Или не получается? Если убили, то кто и как? А главное, зачем?

– Сам сказал: деньги – пожал плечами Алексей.

– Так ведь ее не ограбили! Сумочку не взяли. Да и не было на пароме нуждающихся, которые польстились бы на драгоценности мадам. Бедные в круизы не ездят. Не до такого, чтобы убить из-за каких-то побрякушек. А сбежала она вряд ли. Муж пропавшей мадам – очень богатый человек. От таких денег, Леша, не убегают – вздохнул Панов. – Они отдыхали компанией: владелец крупной фирмы, его лучший друг и некий банкир. Все трое с женами.

– Какой фирмы? – безразлично спросил Алексей.

– «АНДА».

– Какой-какой?!

- Торговая сеть «АНДА».

- Так это же нынче крупнейший ретейлер! Который благодаря своей ценовой политике в кризис не только вырулил, но и оказался с прибылью! Холдинг бурно развивается, а еще лет пять назад о нем мало кто слышал. Биржевые сводки я регулярно читаю. Владелец холдинга «АНДА» Даниил Голицын.

- Все правильно. Пропала Анжелика Голицына.

- Так ведь Голицын почти олигарх! Юра, какой паром?!

- А как ты думаешь, почему я, большой, в общем-то, начальник, занимаюсь исчезновением какой-то сорокалетней гражданки? Да потому что эта гражданка - жена олигарха! Ну, почти олигарха. Голицын - персонаж светской хроники, владелец стремительно набирающего обороты холдинга. Имя Даниила Валерьевича нынче у всех на устах и на слуху. И вдруг его красавица жена пропала! Пронюхай об этом журналисты - такой кипеж поднимется! Нам надо их опередить.

- Как же Голицыных занесло в Новый год на паром? Не на личный остров в океане или хотя бы на Мальдивы. Но паром? Сколько стоит путевка?

- Они все жили в люксах, но, в общем, ты прав. Для них это неприлично дешево.

- Только не говори, что у олигархов тоже кризис!

- Ну что? Я тебя заинтриговал?

- Неплохо. - Алексей откинулся на спинку дивана и поймал вопросительный Сашин взгляд. - Наелись?

- Все было очень вкусно - улыбнулась жена. - А вы обсудили свою проблему?

- С чего ты взяла, что у нас проблема?

- Вы же говорили о работе?

Мужчины переглянулись.

– Купил я Лешку! – рассмеялся вдруг Панов. – Подкинул ему очередную загадку.

– Ох, не люблю я олигархов – поморщился Алексей.

– С чего бы это? – с усмешкой посмотрела на него Саша. Их свело как раз таки убийство владельца крупной фирмы Александра Серебрякова, а потом Леонидов ушел из органов и какое-то время работал на вдову Серебрякова.

– А кто их любит? – пожал плечами Юрка.

...Разговор они закончили на стоянке у отеля. Саша с дочерью поднялись наверх, в номер, а Леонидов вызвался проводить друга до машины. Видя, как у мужа горят глаза, Саша не стала ему мешать.

– Ты задавал Голицыну этот вопрос? – спросил Алексей у Панова. – Как он оказался на пароме?

– Задавал. Он говорит, у каждого свои странности.

– Я видел его фото в Инете: шикарный мужик. Я не баба, конечно, но уверен, что бабы по Голицыну с ума сходят. Полностью упакован, и вид у него такой, будто он ни за что не войдет в дверь, если ее перед ним не откроет швейцар. Врет – уверенно сказал Алексей. – Никакие это не странности. Его загнали на этот паром обстоятельства. А вот что за обстоятельства...

– При которых, кстати, пропала его красавица жена – напомнил Панов. – Дело это, Лешка, совершенно безнадежное. У нас нет ни осмотра места происшествия, ни показаний свидетелей, ни заключения экспертизы. Вообще ничего, с чем мы привыкли и могли бы работать. Просто факт: пропала очень богатая женщина. Прошло пять дней, все следы преступления, если таковое имелось, уничтожены, паром в Таллине, команду допросить невозможно. Может, кто-то что-то и видел, но мы этого узнать не можем. Международные отношения сам знаешь какие. Тут чистой воды психология – поморщился Панов. – Надо поговорить с каждым из их компании и на основании психологии и главным образом интуиции понять, что там на самом деле случилось. Но это фигура высшего пилотажа.

– Я понял – кивнул Леонидов – можешь больше не подлизываться. Черная кошка в темной комнате. Помнится, я ее уже искал. А если ее там нет?

– Нет так нет – пожал плечами Панов. И осторожно спросил: – Ну, так я перекидываю тебе Даниила Голицына?

– Давай – как можно безразличнее сказал Алексей. Он уже нутром почуял: дело не-обычное.

«Мне это надо – подумал он, глядя, как отъезжает от отеля машина Панова. – Пока не знаю зачем, но мне это надо...»

...Даниил Голицын его разочаровал. Фотокамера миллионеру явно льстила. Есть люди, обладающие редкой фотогеничностью, один из них, должно быть, и ввел в моду селфи. Счастливчики типа Голицына одинаково хорошо выглядят на всех без исключения фотографиях, при любом освещении и антураже. В жизни Даниил Валерьевич не производил такого ошеломляющего впечатления, хотя, безусловно, был мужчиной видным. Мечта любой женщины, не быдло какое-нибудь, весь, от новеньких ботинок из натуральной кожи до идеально выстриженной макушки – олицетворение успешности и гламура. Волосы у Голицына были темные, глаза серые, лицо в общем-то скучное, ровно до того момента, пока Даниил Валерьевич не улыбнулся. Что-что, а улыбаться он умел.

«Должно быть, долго тренировался перед зеркалом – с неприязнью подумал Алексей. И тут же одернул себя: – Не завидуй, расслабься».

– Присаживайтесь, Даниил Валерьевич – гостеприимно предложил он.

– Не понимаю, зачем я здесь? – раздраженно сказал Голицын, опускаясь на стул и брезгливо поддергивая брючины. Носки у него были знатные, по цене костюма для простого смертного.

– Пол чистый – не удержался Алексей, наметанным взглядом оценив носки. Олигарх хренов. – У нас в штате имеется уборщица.

– Я рад за вас. И все-таки что я здесь делаю?

- У вас ведь жена пропала.
- Я уже трижды был в полиции, в Питере. Сначала в порту, потом меня сопроводили в отделение, и, наконец, я имел беседу с каким-то важным чином.
- Должно быть, вы очень старались найти свою жену – вздохнул Алексей. – Этот чин озаботился вашей проблемой и попросил меня вам помочь.
- А вы кто такой? – подозрительно спросил Голицын.
- Лучший сыщик.
- Лучший где?
- Возможно, во всем мире.
- От скромности вы не умрете.
- А у вас, похоже, отсутствует чувство юмора.
- Может, хватит? Вы понапрасну тратите мое время.
- Мое, я так понимаю, вы не цените? Хорошо. – Алексей снова вздохнул. Уже понятно: просто не будет. – Даниил Валерьевич, ваше дело передали по месту жительства. Отныне вашей проблемой буду заниматься я.
- А... – протянул Голицын. – Тогда понятно... Бюрократия победила коррупцию.
- Вы предлагали моему другу взятку? – с интересом спросил Алексей. – Не бойтесь, этого в протоколе не будет.
- Это вы должны бояться, а не я – насмешливо улыбнулся Голицын. – Скажем так: я намекнул, что готов оплатить услуги, если поиски моей жены затянутся. Я понимаю, что у ментов маленькая зарплата...
- Да, до вас, олигархов, нам далеко.

– Я не закончил свою мысль – поморщился Голицын. – Зарплата маленькая, а труп отсутствует. Говоря вашим языком, отсутствует факт, по которому можно возбудить уголовное дело. Ну, пропала и пропала. К любовнику сбежала.

– Вы исключительно правильно формулируете – с еще большим интересом посмотрел на него Алексей. – Откуда такое знание буквы закона? Готовились, да?

– Не ловите меня за язык – насмешливо сказал Голицын. – Я в расстроенных чувствах и всегда могу на это сослаться.

– Что-то вы не похожи на убитого горем мужа.

– Потому что вполне могу оказаться рогоносцем. По чему тут убиваться? То есть по кому? Если бы я знал наверняка, что моя жена сейчас не в чьей-нибудь постели, я бы рвал на голове волосы, клянусь. Ведь ее паспорт я так и не нашел.

– Да, это существенно. А велик шанс, что она сейчас в чьей-нибудь постели?

– Очень велик – кивнул Голицын. Потом достал из кармана смартфон, пару раз провел пальцем по дисплею и сунул смартфон Алексею под нос: – Смотрите.

На фото была ошеломляющая блондинка, грудь номер четыре вызывающе выглядывала из весьма откровенного декольте, пухлые губки по-детски приоткрыты, но взгляд далеко не наивный. Обещающий взгляд.

– Ничего себе! – присвистнул Леонидов. Потом засомневался: а вдруг мадам Голицына, так же, как и муж, на редкость фотогенична, а в жизни-то не очень? – Сколько ей лет на этой фотографии? – подозрительно спросил он.

– Фото сделано недавно – проникновенно сказал Даниил Валерьевич. – Да, моей жене за сорок, но выглядит она лет на тридцать.

– С вашими деньгами вы можете себе это позволить.

– Вот именно. Красавица, да? – Голицын со вздохом посмотрел на дисплей и убрал мобильник обратно в карман. – И сексуальна. Мужчины на мою жену реагируют соответствующе. А она этим пользуется.

– Рассказывайте – повелительно сказал Алексей. – Что случилось в новогоднюю ночь? А лучше, Даниил Валерьевич, начните-ка с самого утра. Я хочу знать, как вы провели день тридцать первого декабря?

– Утром мы сошли в Стокгольме. Все там уже были, я имею в виду нашу компанию, поэтому экскурсии нас не заинтересовали. Мы сели в такси и поехали в город. Публика с парома в основном отправилась в музей, слышали про «Васу»?

– Корабль, что ли?

– Да. Самый большой из известных нам парусных кораблей. Который затонул почти сразу, как только вышел в море. Он ушел на дно из-за того, что был перегружен пушками, потом шведы парусник подняли и сделали из него музей. Там довольно интересно, но лично я там был уже дважды. Первый раз по обязанности, поскольку это одна из главных достопримечательностей Стокгольма, а второй от скуки. Вообще, Стокгольм я не люблю.

– Почему? – удивился Алексей. – Говорят, красивый город.

– Не к душе. Поэтому в городе мы с женой не задержались. Пообедали и поехали на паром.

– А кто задержался?

– Сажины. Дашка ведь фанатка. Ее хлебом не корми, дай только зайти в бутик культуры да поглазеть на исторические развалины. И от поездки Дарья Витальевна будет в восторге. Ее мужу повезло – усмехнулся Голицын. – Дарья предсказуема и нетребовательна.

– А ваша жена, как я понимаю, от культуры далека?

– Анжелика больше по части магазинов, а в Стокгольме их попросту нет. Тех, в которых она привыкла отовариваться. С бутиками там бедновато.

– А что банкир с супругой?

– Вот Софа в магазинах-то и обосновалась. Надолго. Она вообще в этом плане человек непритязательный. Сема мгновенно сделал калькуляцию и следом за этим скучное лицо. И терпеливо ходил с женой по магазинам. По его меркам, Софа потратила сущие копейки, а набила одеждой целый чемодан. Моя жена потом с издевочкой рассказывала мне, как мадам Зебриевич хвасталась покупками. Анжелика такое бы не надела даже в огород, грядки полоть.

– Вряд ли она когда-нибудь полола в огороде грядки – задумчиво сказал Алексей, вспомнив фотографию Анжелики Голицыной. – Значит, в Стокгольме вы разделились? Я правильно понял?

– Правильно – кивнул Даниил Валерьевич. – Встретились мы в три часа дня, в ресторане. В Стокгольме есть один уютный подвальчик, где подают потрясающий рыбный суп и весьма недурной яблочный сидр. Честно сказать, я еле выдержал до трех. Не потому что был голоден, просто скучал. Что касается жены, то и она постоянно ныла: «Дан, поехали на корабль, мне скучно». Тут наши вкусы полностью совпали.

– Так почему же не поехали?

– Из дружеской солидарности – сверкнул улыбкой Голицын. – Мы договорились вместе пообедать. Но потом разошлись в разные стороны и встретились уже на банкете.

«Врет – уверился Алексей. – Что-то тут не то».

– Как я уже понял, вы очень разные люди – аккуратно начал он подбираться к истине. – Что же свело вас в эту новогоднюю ночь на пароме, следующем из Питера в страны Балтии?

– Мы вместе учились – еще шире улыбнулся Голицын, явно пряча за этой улыбкой свои истинные чувства. Глаза у него оставались холодными, а взгляд

настороженным.

- Чем сейчас занимаетесь вы, мне понятно. Зебриевич банкир. А Сажины? Дмитрий и Дарья?

- У Дарьи журнал.

- Гламурный?

- Нет. То есть полугламурный. Она пытается донести до современных барышень психологию семейных отношений. Рассказывает в доступной форме обо всех этих фобиях, причинах стервозности свекрови и инфантильности современных мужчин. «Я моя».

- Что?!

- Журнал так называется. «Я моя».

- Занятно. Ну а ее муж?

- Сажин работает у меня. - Алексею показалось, что Голицын сказал это крайне неохотно.

- В смысле? Кем работает?

- Он менеджер.

- Простой менеджер? - вскинул брови Леонидов.

- Ну да. А что?

- Он менеджер, а вы директор. Генеральный. И вы в новогоднюю ночь оказываетесь за одним столом, в кризисе. Гм-м-м... А как же субординация?

- Мы же друзья.

– И давно вы друзья?

– С института.

– То есть вот уже много лет вы дружите семьями? Потому что на последнем курсе Сажин женился на Дарье, а вы за год до этого расписались с Анжеликой.

– Да, все правильно. Только насчет «дружили семьями»... – Голицын замялся. – История, в общем-то, банальная. Не думаю, что она имеет отношение к исчезновению моей жены. Но если хотите, я вам ее расскажу.

– Очень хочу – кивнул Алексей и приготовился слушать.

Море первое, Черное

Впервые Даша увидела море в семнадцать лет. Как же она о нем мечтала, начитавшись книжек и наслушавшись подруг, побывавших на юге! А последние три года сама жила в ожидании чуда. Море стало ее мечтой. Сказкой, куда подрастающая Даша убегала от серых будней, часами лежа без сна, натянув на голову одеяло и представляя себе, как это будет. Наступит, наконец, день, который перевернет всю ее жизнь, и с этого момента все уже будет по-другому.

Дашины родители не могли себе позволить поездку на юг всей семьей. Отец, рабочий на лакокрасочном заводе, выпивал, и если вовремя не забрать у него зарплату, так ее и не увидишь, из-за этого мать, числившаяся на том же заводе в бухгалтерии, то и дело брала подработку и дома бывала редко, но денег все равно не хватало. Отпуск Мироновы каждый год брали летом и проводили его в деревне, помогая престарелым родителям Веры Ивановны по хозяйству. А хозяйство было немаленькое: корова, куры, кролики, огромный огород, засаженный луком и картошкой. Дашин дед, человек старой закалки, постоянно напоминал старшей внучке, что даром свой хлеб никто есть не будет, прополосала грядки – марш в лес, за малиной. В лесу было бы ничего, тихо и красиво, если бы не комары и не злющая крапива. Даша все время ходила искушенная, покрытая волдырями, которые невыносимо чесались. Кожа у нее была тонкая и очень чувствительная, проклятые волдыри долго не заживали. Но что поделаешь?

Даром свой хлеб никто не ест.

Младшая Дашина сестра, Светка, была в семье любимицей, ей, со ссылкой на слабое здоровье, перепали путевки в летние лагеря, а один раз даже на юг, на Черное море. Вернувшись, сестра захлеб рассказывала о том, как же там, на море, классно!

– Красиво? – допытывалась Даша. – Волны высокие? А какого цвета море?

Сестра затруднялась в описаниях, словарный запас у нее был небогатый, Даша же решила, что в русском языке просто нет таких слов. Так там красиво, на море.

Ее мечты стали еще ярче. Сказка есть, и у нее есть имя: МОРЕ. Ради этого можно пойти на все, на любые жертвы.

– Вот окончишь школу с медалью, так и быть, отвезем тебя на море – пообещала мать и стала на всякий случай откладывать деньги.

И Даша зубрила ненавистную физику, пыталась понять не менее ненавистную геометрию, воевала с химией, со всеми предметами, которые стояли между Дарьей Мироновой и медалью. Технические науки давались Даше с трудом, и она буквально выбилась из сил на пути к своей мечте. Медаль ей все-таки дали, серебряную. Мать со вздохом сказала, что если так, если не золотая, то надо бы дожидаться зачисления. Только когда в списке, вывешенном у входа в институт, обнаружилась фамилия дочери, Вера Ивановна пошла покупать билеты. Разумеется, билетов уже не было, только на самый конец лета, в плацкартный вагон, на боковые полки, да еще у туалета.

Дорога убила половину будущих впечатлений. Даша была измотана физически, поступала она сама, без блата, выпускные экзамены тоже дались нелегко из-за того, что она шла на медаль. После зачисления немного отпустило, но все равно из-за пережитого стресса начали вдруг выпадать волосы, Даша снимала их с расчески горстями, а потом и месячные пришли с большой задержкой. Живот невыносимо болел, из туалета воняло, то и дело хлопала дверь, дорога казалась нескончаемой.

Когда же Даша, наконец, увидела море, наступило страшное разочарование. Штормило, явно собирался дождь, вода была свинцовой, волна, накатывая на берег, усыпанный крупной галькой, шипела, словно дикая кошка.

- Что же ты, дочка? Иди в воду! - скомандовала мать.

Подумаешь, дождь собирается! Когда еще на юг? Раз уж приехали - надо взять от жизни все. Ни денечка не пропустить, да что там! Ни минуточки! И Даша послушно шагнула в воду.

Волна тут же сбила с ног. В воде оказались валуны. Даша упала и больно ударилась головой о камень. В глазах защипало. Разбитые коленки саднило. А волна, словно обрадовавшись легкой добыче, схватила ее и потащила на глубину. Даша отчаянно закричала.

- Вот же дуреха! - сказала мать, вытаскивая ее на берег. - На ногах не держишься! Ляг, обсохни.

Как назло, пошел дождь. Да что там! Настоящий ливень! Даша еще никогда не видела столько воды, льющей с неба! Она была теплой, но стояла стеной. Было трудно идти, да еще место незнакомое, они ведь только-только приехали. И сразу, разумеется, к морю. В общем, они заплутали, долго брели под проливным дождем, карабкались в какую-то гору, потом оказалось, что гора не та. Квартирная хозяйка, увидев их, отчаянно ругалась и отказывалась в таком виде пускать в дом. Мокрые, грязные, голодные, они под проливным дождем снимали одежду и бросали ее прямо на землю. А потом, под насмешливым взглядом старшего сына хозяйки, смуглого накачанного красавца, почти что голые в облепивших тела мокрых купальниках бежали в пристройку, где хозяйка выделила Мироновым «покои».

Когда же наконец выглянуло солнце, Даша чувствовала себя такой несчастной, что снова идти к морю категорически отказалась.

- Вот же дуреха! - повторила мать. - Подумаешь, под дождик попала! Какая ж ты у меня чувствительная!

И они со Светкой засобирались на пляж. Для Даши это было первое огромное разочарование. Поездку на юг заработала она, а плодами ее труда

воспользовались мать и сестра. Странно, но они-то ничего не замечали. Ни убогих коек, старых и расшатанных, ни вони из туалета, стоящего на улице, прямо возле их пристройки. То и дело натужно скрипела дверь, и кто-нибудь из многочисленных хозяйкиных жильцов бежал опорожнить кишечник или мочевого пузыря. Все эти звуки отчетливо слышались в хлипкой пристройке.

Народу на пляже и в городе было так много, что даже Москва в подметки не годилась. Когда Даша брела на пляж, ее постоянно задевали сумками, надувными матрасами или просто локтями. Пахло прогорклым подсолнечным маслом, в котором жарились чебуреки, поэтому и без того измученную Дашу постоянно мутило. Она была совсем слабенькой, такой худой, что выпирали ребра и ключицы, под глазами залегли огромные тени, похожие на синяки. Женщины смотрели на нее с жалостью, а парни просто отводили глаза.

– Доходяга какая-то – услышала однажды Даша за спиной. Обернулась и увидела высокого красивого блондина.

– Никогда таких страшненьких девушек еще не видал – согласился с ним товарищ, тощий парень в очках.

«А сам-то!» – чуть не сорвалось с языка у Даши, но она застеснялась блондина. Влюбляться ей еще не доводилось, не до того было. Все силы ушли на мечту. И вот она на море! Но что-то не получилась из Даши Мироновой Ассоль.

– Странная ты у меня, доча – со вздохом сказала вечером мать, сидя с хозяйкой под увитым виноградной лозой навесом и попивая молодое местное вино. – Как и не рада вовсе. А ведь я столько денег на тебя грохнула! Вон у Светки учись – и она кивнула на младшую дочь, напропалую кокетничающую с хозяйкиным сыном.

«И зачем мне эта медаль? – с тоской подумала Даша. – В институт я бы и так поступила, там ни геометрию, ни физику сдавать не надо. Светка и без медали второй раз на юге. И в институт она не собирается. Наверняка выскочит замуж сразу после школы. Вон как на нее парни смотрят!»

Сестра, которая была на два года младше, выглядела на все восемнадцать. И на пляж она ходила с гордо поднятой головой. Еще бы! Глядя ей вслед, местные цокали языком: вай, какая девушка! На старшую сестру, которая тащилась

следом, Светка то и дело покрикивала:

– Че стала? Шевелись!

А море... Да, море было красивым. Если смотреть на него издалека, глядя мечтательным взглядом синие волны и высматривая на горизонте алый парус. Если забыть про гальку, больно впивающуюся в пятки на пляже, и коварные валуны в воде. Если приехать сюда с любимым, со своим темноволосым принцем, а не с двумя злыми феями, матерью и сестрой. Почему-то Даше нравились парни с темными волосами и светлыми глазами. Она таких и выискивала взглядом в толпе.

На море они пробыли десять дней, и почти сразу по возвращении, чуть ли не с поезда, Даша уехала в общежитие. Общежитие было женским, за исключением семейных и аспирантов. Но в основном его населяли девушки, которые приехали в столицу на учебу, ну и заодно за женихами. Даша сразу налегла на учебу. Соседки относились к чересчур уж серьезной худышке с легким презрением. Вот же зубрила! Прописка-то в столице лимитная, не успеешь оглянуться, как сказка кончилась! Собирай манатки и дуй к себе в Задрипанск! В отличие от Даши, другие девушки использовали временное пребывание в Москве на всю катушку. Бегали по магазинам в поисках дефицита, добывали контрамарки в модные театры, носились по дискотекам, стараясь не пропустить ни одной пятницы и субботы. В женском общежитии то и дело появлялись рекрутеры из соседнего технического вуза, где учились в основном парни. У рекрутеров было задание собрать на дискотеке побольше красивых девушек. Дискотек было несколько, и между ними шла негласная конкуренция. Даша на «танцульки» не ходила, ее полностью занимала учеба.

Прошел год, другой...

И наступил день, который и в самом деле перевернул всю Дашину жизнь. И случилось это неожиданно, в тот момент, когда Даша меньше всего этого ждала. Она, как всегда, корпела над учебниками, когда раздался звонок в дверь. Обычно открывали соседки, но на этот раз в комнате никого кроме Даши не оказалось. Она с досадой прислушалась: звонок повторился. Пришлось идти открывать.

На пороге стояли двое симпатичных парней. В рекрутеры абы кого не брали, только самых-самых. Увидев Дашу, оба парня радостно заулыбались.

– Девушка, вы не хотите в субботу прийти к нам на дискотеку? – спросил тот, что понахальнее. – Вот приглашение.

И он протянул Даше входной билет, который она не слишком уверенно взяла.

– А еще в вашей комнате красивые девушки есть? – подмигнул второй.

– Нет, я сейчас одна. Но я могу передать кому-нибудь эти билеты. – Даша кивнула на пачку приглашений, которые парень держал в руке. Девушке захотелось оказать симпатягам ответную любезность.

– Э, нет – рассмеялся рекрутер. – Знаем мы вас. Отдашь билет своей страшненькой подружке, которая мечтает к нам попасть, а нам потом влетит. У нас лучшая дискотека, чтоб ты знала!

Они переглянулись, рассмеялись и ушли. Даша дрожащими руками закрыла дверь и уставилась в висящее на стене зеркало.

«Значит, я не страшненькая? Раз мне это дали?» Она взволнованно стала разглядывать свое отражение в зеркале, а потом приглашение. Когда вернулись соседки, показала добычу им и растерянно спросила:

– И что с этим делать?

– Ну, Миронова, и на твоей улице праздник! Собирайся! – засмеялись девчонки.

Собирали Дашу всем миром, ее зубрежка соседкам была в укор и всех уже достала. Ишь какая правильная! Поэтому девчонки постарались приобщить тихоню-отличницу к радостям жизни и даже нашли ей компанию. К огромному удивлению Даши, ни одного медленного танца ей не пришлось просидеть за столиком, ее непрерывно приглашали. Принцев вокруг было сколько угодно! Трое во время медленного танца заискивающе спросили, могут ли они ее проводить.

«Это происходит не со мной» – трепетала Даша, раздумывая, как ей поступить. Кого из троих выбрать? Такой успех! Неужели все дело в косметике и распущенных волосах? А еще в модных джинсах и стильной кофточке, которые отыскались в гардеробе у соседок? Это было так необычно, все эти новые ощущения. Оказывается, она, Даша, красивая девушка! Волосы давно уже перестали выпадать и сделались густыми и шелковистыми, худоба не выглядела теперь болезненной, ребра не выпирали, у Даши оказались очень красивые стройные ноги и на зависть тонкая талия, а синяки под глазами прошли, когда закончились переживания и бессонные ночи.

«Я красивая!» – убедилась Даша. Стало жаль тех лет, что были потрачены только на учебу. Давно пора влюбиться и почувствовать себя желанной и счастливой.

И у Даши Мироновой началась новая жизнь. Мигом появились подружки, тоже любительницы ходить по дискотекам, модные вещи, купленные на повышенную стипендию, минимальный набор косметики, которой обитательницы женского общежития щедро обменивались. Всего через полгода Дашу было и не узнать. Накопленных за годы упорной учебы знаний хватало, чтобы ходить в отличницах. Ну и репутация помогала. Даша с первого курса шла на красный диплом. Даже когда случались осечки, преподавателям не хотелось его портить, и они милостиво разрешали пересдать.

– Эта Миронова везде успевает! – с завистью говорили сокурсницы.

Даша сумела выделиться из толпы, стать на курсе фигурой заметной. О ней говорили, ей даже подражали. А она ждала своего принца. Все было не то. А меж тем любить хотелось. Парней было сколько угодно, но дальше двух-трех свиданий дело не шло.

На майские праздники Даша настолько осмелела, что сказала матери:

– В деревню не поеду. Мне надо готовиться к экзаменационной сессии.

– Смотри, в подоле не принеси – скривилась родительница. – Вижу я, как ты готовишься.

– В моей зачетке одни пятерки! – вспыхнула Даша.

– Дык ведь это только начало, доча! Что дальше-то будет? – Вера Ивановна поправила выбившуюся из-под выреза кофты лямку бюстгалтера. Даша подозревала, что и мать начала пить, вид у нее был неопрятный, лицо одутловатое.

– Мне осталось учиться два года!

– Вот и я о том же – туманно сказала мать. – Дальше-то что?

Но на поездке в деревню настаивать не стала. Даша осталась в общежитии. Было тепло и солнечно, в соседнем вузе, где учились парни, проходили легкоатлетические соревнования.

– Пойдем, Дашка, посмотрим – позвали подружки. – Чего в такую погоду дома-то сидеть?

И группа поддержки отправилась на стадион.

Его она заметила сразу, хотя бежал он далеко не первым. Но трибуна, на которой сидели болельщицы, дружно скандировала:

– Дан! Вперед! Голицын! Forever!

– Красиво бежит! – толкнула Дашу локтем в бок сидящая рядом миловидная Лена. – Ух ты, какой красавчик! Миронова? Ты ослепла, что ли? Или оглохла?

– Да... – машинально откликнулась она. – Красиво...

У него были темные волосы, как ей и нравилось. И светлые глаза, сначала Даше показалось, что голубые. Глаза были серые, но ей к тому времени было уже все равно, какого они цвета. Потому что она влюбилась насмерть. Даниил Голицын. Звезда. Странно, потому что учился он средне. И бегал тоже средне. В волейбол играл как все, но его охотно брали в любую, даже самую звездную команду. На любой групповой фотографии Даниил Голицын неизменно был в центре. Как-то так получалось, что он вставал перед камерой, а все остальные облепляли его, словно железные опилки магнит. Казалось, вся Вселенная вращается вокруг Даниила Голицына. Это удивительное свойство и делало его человеком

неординарным. Звездой. А как он улыбался! У Даши сердце от этой улыбки проваливалось в самый низ живота, она чувствовала, как бедра изнутри становятся влажными, а руки бессильно повисают вдоль тела.

Надо было что-то делать с этой любовью. Даша, как прилежная студентка-отличница, сначала выяснила, в какой группе учится Дан, на какую дискотеку ходит, если вообще ходит, как и где он проводит свободное время. К институтским вечеринкам Голицын давно уже остыл, его папа стал большим начальником и денег присылал столько, что сыну хватало на дорогие рестораны. Но Даше повезло. Подружки кое-что порассказали. Оказывается, Дима Сажин, с которым Дан жил в одной комнате, подрабатывает в буфете, находящемся в том же зале, что и дискотека, чтобы гостям не сидеть за пустыми столиками. Парень был полной противоположностью Голицына, высокий, нескладный, застенчивый. Девушки не обращали на бармена внимания, и Дима с унылым лицом маячил за стойкой, разливая напитки. Даша сама пригласила парня на танец. Буквально вытащила на танцпол чуть ли не силой.

Сажин явно был потрясен. Его пригласила на белый танец такая красивая девушка! Дима еще ни с кем не встречался из-за своей застенчивости, да и на учебу налегал. Даша не сразу стала раскрывать карты и милостиво разрешила Диме себя проводить. Потом пришла еще раз. Ей было стыдно, что она обманывает парня, но любовь неразборчива в средствах. Дан слишком уж популярен, у него от девушек отбоя нет, и как добиться свидания с ним? Даша терпеливо ждала своего часа и дождалась. Как-то Дима пригласил ее на шашлыки. Погода установилась как по заказу, кругом всюду цвела весна, майская листва была такой зеленой и сочной, что манила в рощи, откуда тянулся дымок мангалов.

- Кто еще будет? - вроде бы равнодушно спросила Даша.

- Мой сосед по комнате собирался пойти.

- Тоже с девушкой? - замирая, спросила она.

- Дан только что разругался со своей подружкой. Хочет напиться. Не переживай, если что, он переночует в другой комнате.

- Если что? - в упор посмотрела на Димку Даша. Тот торопливо отвел глаза:

– Извини.

Скажи это Дан, поющая Дашина душа взмыла бы к небесам. Если бы Димка отправился ночевать в другую комнату, а они с Даном остались вдвоем на всю ночь. Но пока все было наоборот. Сажин явно не догадывался, чего хочет от него девушка, которая, как он считал, осчастливила его своим вниманием.

Так у них все и началось. История любви длиною в жизнь, вымотавшая их всех, оставившая больше вопросов, чем ответов, даже когда все, казалось бы, уже было ясно. А они все никак не могли поставить точку и разобраться в себе.

Они тогда пошли на шашлыки впятером, три парня и две девушки. Как ни странно, самый лучший из парней оказался один. Но недолго. Голицын прекрасно понимал намеки, когда девушка смотрела на него так, как смотрела в тот день Даша. Когда они выпили вина, Дан по-хозяйски положил ей руку на плечо и сказал, что у нее очень красивые глаза. Даша рассмеялась, и было в этом смехе столько счастья! Дима молча уступил. Даша корила себя за это предательство, но не сильно. Она была на седьмом небе.

– Ты с самого начала хотела познакомиться именно с Даном? – тяжело посмотрел на нее Сажин, уловив момент, когда они остались наедине.

– Да – призналась Даша.

– Почему сразу не сказала?

– Ну, сказала бы. И что? Ты бы нас познакомил?

– Конечно. Запомни: нет ничего, что бы я для тебя не сделал. Если ты хочешь, чтобы Земля стала вращаться в другую сторону, я и это сделаю, правда, не знаю как. Но буду стараться, пока это не случится или я не умру.

Ей стало неловко. Похоже на признание в любви.

«Поганка ты, Дашка» – обругала она себя. Но изменить ничего не могла. Ее больше не было, она вся растворилась в Дане Голицыном. Она не знала, что в тот же вечер друзья серьезно поговорили.

- Ты как, Димон? - прищурившись, спросил Дан. Он небрежно развалился на кровати, потягивая пиво. - Я, конечно, свинья, но так получилось. Девчонка сама на мне повисла, а она хорошенькая. Но баб вокруг много, а друг один. Хочешь, я ее завтра же отошью? Она поскулит денек-другой и кинется к тебе на шею, как только ты ее приласкаешь. И делай с ней что хочешь. Баба, она как собака, ей непременно нужен хозяин. Не я сказал, но понравилось. Мы договорились встретиться завтра, но я могу уехать на весь день и оставить вас вдвоем.

- Нет - спокойно сказал Сажин.

- Не понял?

- Раз она этого хочет, ты будешь с ней встречаться.

- Ну, какое-то время буду - усмехнулся Голицын. - Пока не надоест. Ко мне их, сам знаешь, очередь. Просто так, поразвлекся.

- Просто так ты с Дашей встречаться не будешь - так же спокойно сказал Дима. - Если дело дойдет до постели, ты на ней женишься.

- Ты спятил?! - расхохотался Дан. - Да не собираюсь я так рано жениться! Тем более на ней! Она не москвичка, мать простой бухгалтер, отец вообще, как я понял, алкаш. На кой мне такая жена? У меня, Димон, большие планы - важно сказал он. - И в них теща с тестем занимают далеко не последнее место.

- Ты на ней женишься - твердо повторил Сажин. - Если упруешься, я поеду к твоим родителям, поговорю с матерью. Не поможет - поговорю с твоим отцом. Он, кажется, большой начальник, и такой скандал ему ни к чему. Я и до его начальства дойду, не сомневайся. И потом, не забывай, Дан, кто пишет тебе диплом. Я уж не говорю о контрольных, которые ты у меня скатываешь с первого курса. А не хочешь ли в армию? Или это не входит в твои планы?

- Димка, это же подло!

- Да. Это подло. Но ради Даши я готов на любую подлость. Лишь бы ей было хорошо.

- Ты маньяк! - ужаснулся Дан. - Да не стоит она того!

- Это не тебе решать. Завтра я уеду на весь день, а вы останетесь вдвоем. - Дима тяжело посмотрел на Голицына. - Я тебя предупредил.

Следующий день был для Даши самым счастливым. Когда она пришла, Дан был один.

- Чем займемся? - как-то вяло спросил он.

- Хочешь, останемся здесь? - Даша смотрела на него, словно преданная собака. Ей было все равно, где они, чем занимаются, лишь бы с ним. Ей показалось, что Дан еле заметно вздрогнул. И отвел глаза.

- Погода хорошая. Давай прогуляемся? - предложил он. Даша послушно кивнула.

И они поехали на Воробьевы горы. Погода вовсе не была хорошей, накрапывал дождь, но Дан накинул Даше на плечи свой пиджак, а потом привлек к груди и ласково спросил:

- Не замерзла, девочка моя?

Они поцеловались. Даша словно оцепенела в его объятьях. Она не чувствовала своего тела, только его руки на своих плечах. Так они и стояли, обнявшись, под морозящим дождем, который вовсе не мешал Даше быть счастливой. Она видела только Дана, его лицо, такое красивое, его необыкновенные глаза, его губы, которые были так близко, что стоило лишь встать на цыпочки и зажмуриться, чтобы ощутить их вкус.

Так начался их роман, который длился почти полгода. За это время Даша совершенно измучилась. Она не могла понять, что происходит. Дан явно избегал оставаться с ней наедине в своей или в ее комнате. Во всяком случае, избегал оставаться на ночь. Как только вахтерша грозилась захлопнуть дверь общежития, Дан вставал и с нежной улыбкой говорил:

- Все, девочка моя, я пошел.

Хотя вахтерши, даже самая злая, Даше благоволили, не говоря уже об обаяшке Даше! Никто не стал бы его выгонять, если бы он решил остаться на ночь в женском общежитии.

– Какая красивая пара! – говорили о них и многозначительно подмигивали: – Когда ж свадьба-то?

Соседки по комнате и многочисленные подружки отчаянно завидовали Даше, а Дан... Он вел себя странно. Когда их поцелуи становились слишком уж жаркими и Даша, замирая, думала: «Вот оно», Дан отцеплял ее руки и, отводя взгляд, говорил:

– Мне пора.

И тут же исчезал. Даша начала нервничать, плохо спать по ночам, ей снился он, причем сны были весьма откровенные.

– Ну, как у вас? – допытывались подружки. – Уже?

У Дана была такая репутация, что «уже» подразумевалось само собой.

Голицын тоже психовал. Возвращаясь к полуночи из женского общежития, Дан натыкался на тяжелый взгляд Сажина. Димка словно поджидал своего соседа по комнате. Вопросов не задавал, просто смотрел, усмехаясь, как Дан со злостью швыряет в угол ботинки, потом ищет выпивку, нервно застилает постель.

– Ну, что ты смотришь? – не выдержал как-то Голицын. – Не было ничего!

– Я знаю – спокойно сказал Сажин. И, отложив учебник, спросил: – И не надоело тебе мучиться?

– Я не люблю ее. – В голосе Дана было отчаяние. – Меня бы устроил просто секс, но это не устроит тебя. Я тебя, Димон, знаю не первый год. Ты действительно будешь меня прессовать и рано или поздно дожмешь. Кому это надо, а? – с тоской спросил он. – Тебе, мне? Или, может, ей? Она врезалась в меня по уши – тяжело вздохнул Голицын. – И как ты с этим будешь жить, Сажин?

- Как-нибудь. - И Дима опять уткнулся в учебник.

Развязка наступила неожиданно. Как-то Голицын вернулся с теннисного корта в приподнятом настроении. Глаза его горели.

- Димон, я с такой девушкой познакомился! Папа - полковник! Мать в министерстве работает! Трехкомнатная хата в центре Москвы! А сама девчонка просто красавица! А какие у нее шмотки! Я еще не видел, чтобы девчонка так шикарно одевалась. Мы с Анжеликой месяц назад встретились на корте. Играет она паршиво, ну я ее и потренировал - усмехнулся он. - Теперь она приходит каждый день. Думаю, уже не из-за тенниса, а из-за меня.

- А как же Даша? - в упор посмотрел на него Сажин.

- Мне нравится Анжелика. - На этот раз Дан был тверд. - Нравится настолько, что я готов на ней жениться. Я хочу стать москвичом. Меня в Анжелике все устраивает, но, главное, ее родители обеспечат мне прописку и карьеру. Что касается Даши, твое условие я выполнил. Хотя сто раз уже мог бы с ней переспать. Да и учиться осталось всего год. Не думаю, что меня вышибут. Так что с Дашей мы расстаемся.

- Дурак ты, Дан - спокойно сказал Сажин. - Ты принадлежишь к тому типу дураков, которые никогда не думают о том, что жизнь кончается не завтра. Но я не буду тебя лечить. Женись на своей полковничьей дочке... Ты тогда всерьез это сказал?

- Что именно?

- Будто женщине всегда нужен хозяин. Даша, мол, поплачет денек-другой и, если я ее приласкаю, кинется мне на шею.

- Так и будет. Еще спасибо мне скажешь.

- Что ж... Тогда дай мне слово. С того момента, как вы расстанетесь по твоей инициативе, ты в ее сторону больше не смотришь. Что бы она ни делала и ни говорила, ты - скала. На всю жизнь, потому что я собираюсь на ней жениться. И если только ты посмеешь...

– Я понял, понял – торопливо сказал Дан. В тот момент он думал только о том, что Димка Сажин отпускает его на свободу.

– Тогда по рукам?

И они пожали руки, скрепив договор.

...Голицын обманул. Даша вовсе не плакала. Она молчала. Под глазами у нее опять залегли глубокие тени. Дима смотрел на нее с жалостью, но помочь ничем не мог. Дан женился на Анжелике и переехал к ее родителям, в шикарную московскую квартиру. Даша встречалась с Димой лишь затем, чтобы задать ему неизменный вопрос:

– Ну, как у них?

Он молча пожимал плечами:

– Я-то откуда знаю?

– Но ведь он тебе звонит? – настаивала Даша. – Вы наверняка встречаетесь? Она богатая, но страшная, да? Он ведь ее не любит?

– Она красавица – мягко сказал как-то Сажин. – Я могу показать тебе свадебные фото.

– Ну, разумеется! Ты же был у Дана свидетелем! Предатель!

– Ты должна понять, что у них семья.

– Да не хочу я ничего понимать! Я люблю его!

Так прошел год. Вопреки предсказаниям Голицына, Даша вовсе не бросилась Диме на шею. И не собиралась этого делать. Он постепенно приходил в отчаяние, а время неумолимо летело, еще немного, и они расстанутся навсегда. У обоих заканчивается лимитная прописка, Диме, скорее всего, ехать в родной

город, Даше по распределению. Письма присылать она вряд ли будет. Даша молча страдала и собиралась на всю жизнь остаться верной своей первой и безответной любви.

За два месяца до получения диплома мать, поджав губы, спросила у старшей дочери:

– Что делать-то собираешься? Учеба твоя скоро заканчивается.

– Как что? Работать – пожала плечами Даша.

– Это понятно. А жить где? Сама видишь: у нас тесно. Светка беременна, не сегодня завтра родит. Зятек у нас прописался. Ну и куда тебя? На голову посадить? Да и с работой нынче сама знаешь как. Был Советский Союз и нету. И ничего теперь нету, ни жилья по распределению, ни работы. Но так и быть, помогу тебе. Загляни завтра в одно местечко. Туда я могу тебя всунуть, я у них бухгалтерию веду на полставки. Работа не пыльная, и комнатка там есть. Потянешь.

«Местечко» оказалось центром досуга. Полуподвальное помещение, заваленное всяким хламом: елочные гирлянды, флаги, плакаты, пыльные мягкие игрушки... Посреди захлавленной комнаты сидела толстая баба с испитым лицом.

– Я хочу устроиться к вам на работу – робко сказала Даша.

– А... Верки Мироновой дочка... Водку пьешь? – Баба икнула.

– Нет.

– Ничего. Научись. А что вообще умеешь?

Дашин взгляд упал на пыльную печатную машинку.

– Могу секретарем – сказала она.

– Это дело! – воодушевилась баба. – Сама-то я одним пальцем, да и то еле-еле. Годится! Работа у нас не пыльная, знай гуляй! – подмигнула она. – Накропаешь

сценарий праздника, мы под это дело выьем бабки в отделе культуры, кое-что, глядишь, и к рукам прилипнет – вновь подмигнула хозяйка «хора». – Потом мы это дело обмоем. Начальники в основном мужики, с ними надо быть поласковой. – В этот раз она подмигнула уже с намеком. – Девка ты красивая, а главное, молодая. Ты у нас и будешь заводилой.

«Да это же бордель! – ужаснулась Даша. – Учтывая, что я к тому же буду здесь жить...» И она невольно попятилась к двери.

Дима застал ее плачущей. Это было в первый раз, и он растерялся.

– Дашенька, что случилось? – Он ласково погладил ее по вздрагивающим плечам.

– Мне некуда идти – простонала Даша. – Скоро защита диплома, потом меня выселят из общежития. Родителям я не нужна. Мне негде жить, работу я пока не нашла... Я хочу умереть...

– Выходи за меня замуж – решился Сажин.

– Что? – Даша перестала плакать и посмотрела на него с удивлением.

– Я люблю тебя. С самого первого дня, и ты это знаешь. Золотые горы не обещаю, я, конечно, не Дан. Не звезда, и планы у меня не такие масштабные. Жить мы будем у моих родителей, свадьба будет скромной. Но знай одно: так, как я, тебя любить никто не будет. И вообще, сильнее уже любить нельзя – усмехнулся он.

– Да, но я тебя не люблю – честно сказала Даша. – И ты это знаешь.

– Знаю. Но я попробую с этим справиться. Бывает, любовь приходит не сразу. На это может понадобиться год, два, пять, иногда и больше. Я готов ждать.

– Сколько? – усмехнулась Даша.

– Да хоть всю жизнь! Лишь бы ты была рядом. Прости, я банальные вещи говорю, но и ты дай мне время. Я найду такие слова, что ты поверишь. А лучше не слова. Это Голицын говорить мастер, а я...

- Первое, что ты сделаешь, это перестанешь упоминать его имя.

- Значит, ты согласна?

- Да.

Ей действительно некуда было деваться. И любовь у нее была, увы, несчастная. Даша знала, что это на всю жизнь. Единственный мужчина, который ей нужен, никогда не будет с ней. Тут либо умереть, либо похоронить свои чувства и жить дальше. Даше было двадцать лет, умирать ей расхотелось. И она решила жить.

...Свадьба была скромной. Хотя Дашина мать очень обрадовалась, что можно старшую дочку сбыть с рук, и сняла деньги с книжки. В общем, по словам Веры Ивановны, все было как у людей. И даже брачная ночь, на самом деле первая и у нее, и у него. Оба не знали, что делать, и растерялись. Разговоры – это одно, но когда за молодыми закрылась дверь спальни, Даша с Димой почувствовали неловкость. Особенно она, ведь мужчину, с которым надо было лечь в постель, Даша едва терпела.

Это был какой-то кошмар. Даша кусала губы от боли, а Димка чуть не плакал.

- Чем больше ты меня жалеешь, тем больше мне больно – разозлилась она. – Ты мужчина или нет? Или ты не хочешь быть моим мужем по-настоящему?

- Безумно хочу, но если бы ты знала, как мне тебя жалко! – У него в глазах и в самом деле стояли слезы, будто это у него внутри все горело.

Он не мог причинить ей боль, а она не могла попросить об одолжении кого-нибудь другого. Верх маразма: пожалуйста, сделай меня женщиной, а то мой муж не может! А ведь с Димкой все в полном порядке, молодой мужчина, на редкость здоровый, Даша не помнила, чтобы он когда-нибудь болел, и, как оказалось, очень сильный. Но как он страдает, видя ее слезы! И ничего не может с собой поделать.

Получилось у них только на третью ночь. Еще с неделю Даша к себе мужа не подпускала. Потом убедилась, что это уже не так больно, терпеть можно, и их

супружеская жизнь кое-как наладилась.

А через год Даша родила дочку...

Море седьмое, Балтийское

– Так что Дима получил свою ненаглядную в подарочной упаковке, нетронутую – усмехнулся Голицын, заканчивая свой рассказ.

– И вы этим поступком, судя по всему, очень гордитесь? – спросил Алексей, на которого рассказ Даниила Валерьевича произвел неприятное впечатление.

Да, банальный любовный треугольник, но, судя по тому, что рассказал Голицын, получается, он трус. И человек весьма предприимчивый и расчетливый, раз женился на полковничьей дочке, москвичке, а не на бедной провинциалке.

– Я же ясно сказал: Дашу я не любил – раздраженно сказал Голицын. – Где тут подлость? Я женился вовсе не по расчету, а по взаимной любви, а в том, что кто-то влюбился в меня, я, уж извините, не виноват. – Даниил Валерьевич развел руками. – Да вы хотя бы знаете, сколько их было?!

– Догадываюсь. А сейчас? Вы по-прежнему любите свою жену и равнодушны к Дарье Сажинной?

– Какое это имеет отношение к исчезновению Анжелики? – все больше раздражаясь, спросил Голицын.

– Если вашу жену убили, ревность вполне могла послужить мотивом.

– Дарья столкнула Анжелику за борт?!

– Вы отрицаете такую возможность?

– Нет, но... Черт! – Даниил Валерьевич откинулся на спинку стула.

«Как быстро он ее предал – грустно подумал Леонидов. – Впрочем, он предал ее двадцать лет назад. А это уже, что называется, послевкусие. Голицын словно смакует свое предательство. Не стоит ему верить, вот что».

– Расскажите мне о новогодней ночи – попросил Алексей. – Когда вы в последний раз видели свою жену?

– Кажется, за столом. Или нет. В баре.

– Кажется?

– Мы все были пьяные. Новогоднюю ночь я помню смутно. Сажин поначалу держался, часов до двух ночи он был как стекло. Даша ушла первой, где-то в половине второго. Она вообще жаворонок. Еле высидела до боя курантов. Димка посидел еще немного с нами, но потом увидел, как Зебриевич напивается, и сказал, что ему, пожалуй, тоже пора. И ушел. Но где-то через полчаса, точно сказать не могу, на часы я, извините, не смотрел, мы с Сажиним столкнулись у выхода на открытую палубу. Он меня даже не заметил, сразу повернул к бару. И я понял: что-то не то. С чего вдруг Димка решил напиться?

– И вы нашли причину?

– Я вскоре догадался, почему Сажин такой мрачный.

– И?.. Говорите же, Даниил Валерьевич!

– Дело в том, что его жены в каюте не оказалось – усмехнулся Голицын.

– Вы наверняка это знаете?

– Да.

– Потому что... Ну же! Договаривайте!

– Все было как в тумане – повторил Голицын и провел ладонью по лицу, словно снимая с него невидимую паутину. – Я помню открытую палубу, пронизывающий

ветер, с неба сыплется ледяная крупа... И Дашу.

- Вы были с ней на открытой палубе? - уточнил Алексей.

- Похоже, да.

- И вы с ней?.. Неужели целовались?

- Послушайте, я мало что помню. Напился, признаю. Может быть, мне это лишь приснилось?

- Значит, вы нарушили слово, данное Сажину - кивнул Алексей. - Он ведь вас предупреждал: не приближайся к моей жене. А это, по-вашему, не подлость?

- Так ведь она сама... - развел руками Голицын.

- А вы привыкли брать все, что плохо лежит? - насмешливо спросил Алексей.

- Послушайте, мне не нравится ваш тон! Это были вполне невинные поцелуи!

- Ой ли? - прищурился он. - Для вас, возможно, все это ничего не значило. Как и двадцать лет назад. Но для нее? Вы вновь подали ей надежду. Что же вы творите-то, Даниил Валерьевич?! Сдается мне, вы за что-то мстите Сажину. И за что? Он оказался прав? Женитьба на полковничьей дочке не принесла вам счастья? Когда вы говорите о жене, я не слышу в вашем голосе счастья. В лучшем случае равнодушие. А то и раздражение. Да, ваша жена красивая. Хотя смой с нее всю косметику, отцепи наклеенные волосы и ресницы, еще неизвестно, что в итоге останется. И жить-то придется с человеком, не с его внешностью. Дети у вас есть?

- Сын - машинально откликнулся Голицын. Видимо, Алексей попал в точку.

- Сколько ему?

- Федору? Двадцать.

– Федор Даниилович? И кто его так назвал?

– Тесть – неохотно признался Голицын. – Нормальное имя – пожал он плечами. – Федор Голицын.

– Чем он занимается? Учится?

– Вроде бы учится – Даниил Валерьевич тяжело вздохнул. Видно было, что разговор о сыне ему неприятен. – Или врет. По его мнению, он гениальный рок-музыкант. Хотя, по моему мнению, его так называемые песни – полное дерьмо.

– Может, вы просто отстали от жизни? У нас свои вкусы, у молодежи свои.

– Бросьте – поморщился Голицын. – Я говорил с продюсером. Точнее, с тремя продюсерами. Ни один из них не взялся за раскрутку Феди. Это так называемое кино не для всех. Очень специфическая музыка. Но есть свои плюсы. К моим деньгам Федя равнодушен. И вообще к деньгам. У него даже машины нет. Он ездит на велосипеде.

– Для здоровья полезно – пожал плечами Алексей. – Были же в свое время хиппи?

– Он не хиппи, он дебил – раздраженно сказал Голицын. – В нем странностей – как тараканов в общежитии. Не понимаю: откуда это? Я пытался пристроить его в заграничный колледж, он оттуда сбежал. Из московского элитного вуза его вышибли. Не хочу об этом думать, но боюсь, что Федя – наркоман.

– Наркоманы не ездят на велосипеде. Не заботятся о своем здоровье.

– Он не из-за здоровья это делает, а из-за своего ослиного упрямства. И все из-за этой дуры! – в сердцах сказал Голицын.

– Вы имеете в виду его мать? – невинно спросил Алексей. Кажется, Даниил Валерьевич разоткровенничался.

– Анжелику с детства избаловали, вот и получилась закоренелая эгоистка. Родив мне сына, она сочла, что исполнила свой долг, дальше уже я, как отец, должен обо всем позаботиться. А меня дома нет целыми днями. Мальчик рос с нянями,

которые постоянно менялись. Мать он видел либо нетрезвой, либо занятой с маникюршей или массажисткой. Когда Анжелика, вспомнив, наконец, о том, что она мать (а чаще всего это было, когда увольнялась очередная няня), брала ребенка на прогулку, они зависали в каком-нибудь торговом центре. Федя часами зевал на диванчике, в то время как его мать мерила двадцатую пару туфель или десятое по счету платье. Потом ребенок получал мороженое, они шли в ближайший бар, где заметно повеселевшая мама обмывала покупки. А ребенок ел пиццу или очередное мороженое.

– И как он дошел до рок-музыки? – с интересом спросил Алексей, у которого был сын того же возраста, что и Федя Голицын. И Леонидов тоже целыми днями пропадал на работе. Вдруг это судьба всех мальчиков, которые недополучили внимание отца?

– Анжелика потащила его на кастинг – поморщился Даниил Валерьевич. – Ей пришла в голову бредовая идея пристроить нашего сына в какой-нибудь «Дом-2». Или в эти, как их? – всякие проекты со звездами. Славы моей жене захотелось. Там Федька и нахватался всякой дряни, за кулисами этих треклятых проектов. Типа, все в твоих руках, талант пробьет себе дорогу, будь собой, и рано или поздно мир тебя оценит и прогнется. Теперь мой сын, обрив голову и зачем-то проколов пупок и оба уха, целыми днями лупит в барабан в арендованном гараже, в компании таких же отмороженных. Все окрестные кошки и собаки уже разбежались, ко мне трижды приходили из полиции, соседи жалобами замучили. Я имею в виду Фединых соседей по гаражу. От меня он год назад съехал. Я пытался с ним поговорить, но он послал меня к черту. Сказал, чтобы я не лез в его жизнь и засунул свои бабки себе в... – Голицын вновь поморщился. – В общем, мы не нашли общий язык – подвел итог он.

– Понятно. А у Сажиных есть дети?

– Дочь. Ей тоже двадцать. Хорошая девушка. Учится в МГИМО, работает и неплохо зарабатывает. Серьезная, спортом занимается, по ночным клубам не шатается. И в барабан не бьет – горько сказал Голицын. – Даже на пианино не играет.

– Я вижу, вы не любите музыку – невольно улыбнулся Алексей.

- После того, как побывал на концерте у сына – да, – отрезал Голицын и вдруг передернулся. – Ненавижу.

- Значит, из Дарьи Витальевны получилась хорошая мать?

- Но это не значит, что я о чем-то пожалел. Что сделано, то сделано.

- А материальное положение Сажиных?

- Вам лучше поговорить с Дарьей – замялся Голицын.

- Хорошо. Давайте вернемся к новогодней ночи. До двух часов все было более или менее нормально. Вы выпивали, иногда встречались у шведского стола и, наверное, танцевали.

- Нет. Хотя... Вроде бы мы с Дашей... – Голицын опять замялся.

- А что Сажин?

- Я видел его с Анжеликой.

- Чем они занимались?

- Разговаривали – пожал плечами Даниил Валерьевич.

- Не целовались?

- Хотите сказать, Димка решил мне отомстить? – усмехнулся Голицын. – Он этого не сможет.

- Почему?

- Он до сих пор безумно любит свою жену. Не верите мне – спросите у других.

- Хорошо. Я поговорю со всеми. Ну а ваше алиби?

- Не понял?

- Вдруг это вы столкнули жену за борт?

- Ну да, вместе с паспортом. А потом кинулся в полицию. Да, мы поругались. Не стану этого скрывать. Жена слишком много выпила на банкете. В последнее время Анжелика чрезмерно увлекалась спиртным. И много курила. Ее образ жизни нельзя назвать правильным. А все эти пластические операции, дорогостоящие омолаживающие процедуры? Деньги на ветер - поморщился Голицын. - Две бутылки шампанского в день и пачка сигарет - это не диета. Но именно на такой диете и сидела в последнее время моя жена. В Новый год она явно перебрала. А пьяная она невыносима. Мы поскандалили. Видимо, жена решила мне отомстить. Не увидев ее утром в каюте, я так и подумал. Но сумочка, которую нашли на палубе... Неужели же Анжелику все-таки убили?

- Значит, последним ее видел Сажин? - задумчиво спросил Алексей.

- Я видел, как они вместе уходили наверх.

- А там открытая палуба, на которой и нашли сумочку. Ну а вы с Дарьей Витальевной когда там побывали? До или после?

- Разумеется, до.

- И после этого вы жену не видели?

- Нет. Я ушел в свою каюту и лег спать.

- А Дарья Сажина?

- Ушла к себе.

- Вы ее проводили?

- До каюты? Разумеется, нет!

- Побоялись наткнуться на мужа?

- Я его еще тогда предупреждал: Даша всю жизнь будет любить только меня. Она - как бы это сказать? - очень цельный человек. Одно мое слово - и она бы ушла от мужа.

- И вы всю жизнь держите лучшего друга в таком напряжении?! - ужаснулся Алексей.

- А он меня не... - Голицын осекся.

- Что он?

- Так. Ничего. Не думайте, что Димка Сажин - белый и пушистый. Вы просто его не знаете.

- Подвожу итог: внятного алиби ни у кого из вас нет. Зато у Дарьи Сажиной есть мотив. Она вас ревновала к жене. Осталось разобраться с мотивами остальных. Насколько, к примеру, сильна была ваша ненависть к Анжелике? Кстати, как ее по отчеству?

- Ивановна.

- К Анжелике Ивановне. У вас к ней сильное чувство, сразу видно. Но вряд ли это любовь. Еще надо узнать, о чем говорил с Анжеликой Сажин, когда они поднялись вверх. И насколько пьян был Зебриевич.

- Сема-то здесь при чем? - вяло спросил Голицын.

- А вот это я и буду выяснять. И начну, пожалуй, с Дарьи Витальевны. А с вами мы прощаемся, но ненадолго.

...Дарья Сажина пришла к нему на следующий день. Леонидов ждал этого визита с интересом. Вот человек, который реально ненавидел Анжелику Голицыну и не скрывал этого. Так неужели?..

– Здравствуйте. – Она стояла в дверях и неуверенно оглядывалась. – Можно я войду?

– Да, конечно. – Леонидову уже позвонили с проходной и сказали, что к нему поднимается вызванная повесткой Дарья Витальевна Сажина.

– Я сяду?

– Садитесь.

Она присела на стул, все так же неуверенно оглядываясь по сторонам. Будто пытаюсь сообразить: а где я? В первый момент Алексей не мог понять своих впечатлений от Дарьи Сажиной. Сначала она показалась ему некрасивой и какой-то измученной, но буквально через минуту он уже думал, что Дарья Сажина – невероятная красавица. Она абсолютно не умела скрывать своих чувств, все они были написаны у нее на лице. Волны то гнева, то отчаяния, то какой-то наивной, почти детской радости или печали накатывали на лоб и щеки этой странной женщины, затопляли ее светлые глаза то до глубокой синевы, а то и почти до черноты. Плохо сдерживаемые эмоции то и дело искажали рот с красиво очерченными губами, ломая его идеальную линию, или же преображали улыбкой, и невольно хотелось улыбаться в ответ. Женщина-море, непонятная, непредсказуемая, и уж точно Даниил Голицын такой ее отчаянной любви не стоил. Но в том-то и была прелесть Дарьи Сажиной, что она никаких ценников не замечала и на чувства свои эти ценники не навешивала.

– Догадываетесь, зачем я вас пригласил? – со вздохом спросил Алексей. Он уже понял, что будет ничуть не легче, чем с Даниилом Голицыным. Сейчас эта женщина затопит кабинет своей любовью к нему, и попробуй тут сопротивляться!

– Из-за Анжелики?

– Как вы думаете, что с ней случилось?

– Я думаю, ее убили – радостно сказала Дарья Витальевна и тут же погрузилась.

– Кто убил?

- Я не видела - смутилась она.

- Но уверены, что ее нет в живых?

- Да.

- Почему?

- Он ведет себя так... Дан. Он свободен, понимаете?

- Вам виднее.

- Да - кивнула она. - Мне виднее.

- Он встречался с вами после того, как вы вернулись из кризиса?

- Да. - Она до ушей залилась краской.

- Не буду спрашивать, что об этом думает ваш муж.

- Мы встречались в кафе - торопливо заговорила Дарья Витальевна. - Это вполне невинно. А Дима... - Она словно поперхнулась, в ее внезапно потемневших глазах теперь было отчаяние. - В конце концов, я самостоятельная женщина! - неожиданно разозлилась она. - Я живу с ним из жалости и потому что слабовольная. Муж меня любит до безумия, до какого-то фанатизма, а я не могу этому сопротивляться. К тому же мы живем на мои деньги. Дима простой менеджер.

- И вы не можете оставить его без средств к существованию? - с иронией спросил Алексей.

- Он мне очень помог, поддерживал меня, когда я пыталась встать на ноги, он единственный в меня верил. Если хотите, он подарил мне меня! - с вызовом сказала Дарья Витальевна. - И я не могу просто так его бросить. Он сказал, что умрет, когда это случится, и я ему верю. К тому же у нас дочь - закончила она.

- Дочь уже взрослая.

- Но Алиса привыкла к тому, что у нее полноценная семья! Мама и папа. Нельзя травмировать ребенка разводом, в каком бы возрасте этот ребенок ни находился.

- Но ведь сейчас Даниил Валерьевич свободен. И вы недавно встречались. Я уж не говорю о том, что случилось на новогоднем банкете. Точнее, после него.

Дарья Сажина снова вспыхнула до самых корней волос.

- Мы просто вспоминали молодость - пролепетала она и стала похожа на ребенка, укравшего в магазине шоколадку.

- Даниил Валерьевич рассказывал мне вашу историю. После того, как он женился на Анжелике, а вы вышли замуж за Дмитрия Сажина, ваши пути разошлись. Эта история так и осталась бы в прошлом, и сдается мне, это было бы лучше для вас всех. Как получилось, что вы снова оказались в Москве? И почему ваш муж стал работать у Голицына?

- Да как-то так вышло... - Она замялась. - Хорошо, я расскажу.

- Внимательно слушаю.

Море второе, Красное

Со свекровью Даша не ужилась. И не потому, что у Диминой матери оказался скверный характер. Она была неплохая женщина, хозяйственная, заботливая, хотя и простоватая, и к Даше поначалу отнеслась как к родной дочери, но материнское сердце не обманешь. Уже через месяц после того, как молодые поселились у них, Зоя Васильевна то и дело вздыхала, а уловив момент, пеняла сыну:

- Не любит она тебя, Димка, а ты перед ней расстилаешься.

Камнем преткновения стало имя для только что родившейся дочери. Когда Даша решила назвать девочку Алисой, свекровь возмутилась:

– Какая такая Алиса? Нечего чудить! Назовите Машей или Сашей. Хоть Наташей, но чтобы по-русски! Имени-то такого в святцах нет! Алиса! Не будет ребенку счастья, раз не будет у него ангела-хранителя!

Дима, как всегда, встал на сторону жены.

– Да пусть называет как хочет, ма. Она же ее рожала.

– И мне, между прочим, было очень больно – напомнила Даша.

– А то я не мучилась! – возмутилась Зоя Васильевна. – Подумаешь, подвиг совершила! Ребенка родила! А Димка что ж, ни при чем?

Девочку все же называли Алисой. И через какое-то время было решено из провинции выбираться. Работы здесь не было, перспектив получить жилье никаких, а в двухкомнатной «хрущобе», «фамильном гнезде» Сажиных, впятером стало тесно. Огромная страна, которая называлась СССР, только-только развалилась, все было так зыбко, непонятно, работа если и находилась, то лишь в торговле, для которой Даша с ее наивностью и честностью явно не годилась. А по специальности она устроиться не могла. Кому, спрашивается, нынче нужны психологи? Да у людей на самое необходимое денег нет! Диме тоже не повезло, инженеры и физики-исследователи также не требовались. Завод, на котором он работал, перешел на сокращенную неделю, поговаривали, что и вовсе закроется.

Первым в Москву уехал Дима, пообещав жене, что, как только найдет работу и получит первую зарплату, будет подыскивать съемную квартиру. Все более или менее устроилось только через полгода. Все это время Дима жил на работе, спал там же, на диванчике в холле, а Даша... Эти полгода она потом вспоминала с ужасом. Стиснув зубы, терпела, просто потому, что некуда было деваться. Свекор получал пенсию по инвалидности, на нее и жили, вчетвером, с маленьким ребенком. Кое-что присылал Дима, но Даша прекрасно понимала, каким трудом ему это дается. Ели они в основном картошку в разных видах, с солеными огурцами и помидорами, свекровь сама пекла хлеб. Ставила пироги, начиняла их все той же картошкой или капустой, а когда пришло лето, то

ягодами.

Даша донашивала старую одежду, дочке перешивали из чего могли. Бедность была ужасная. Все мысли лишь о том, как бы свести концы с концами. Когда Дима позвал, наконец, в Москву, Даша расплакалась от счастья. Но радовалась она недолго.

Квартирка, которую удалось снять мужу, была однокомнатная, в пригороде. Да и на нее Сажины выкраивали из скудного семейного бюджета с трудом. Дочка была еще маленькая, в садик ее не брали из-за отсутствия московской прописки (свои в очереди годами стоят), и Даше приходилось сидеть дома. Это была почти такая же нищета, как и раньше, но в Москве, в городе, полном соблазнов. От этого Даше становилось еще горше. Нет, она вовсе не мечтала о бриллиантах и норковых шубах, но быт заедал, хотелось куда-нибудь выбраться, на выставку или в театр, позвать кого-нибудь в гости, пообщаться с интересными людьми. Но какие тут гости! Какой театр! На самое необходимое денег не хватает, как и раньше, когда они жили в провинции!

Дима работал менеджером в крупной торговой сети, которая стремительно набирала обороты. Даша очень надеялась, что муж сделает карьеру, но он ничего такого не обещал. Дима вообще был скуп на обещания, особенно после того, как развалилось предприятие, куда он устроился работать почти по специальности. Приходилось переучиваться на ходу.

А потом вдруг случилось чудо. Умерла Димина бездетная тетка, и Сажину досталась небольшая квартирка в Подмоскowie, точная копия той, в которой они ютились. Но зато СВОЯ! Отныне не надо было с трепетом ждать визита квартирной хозяйки и выслушивать ее жалобы на дороговизну с явной целью поднять квартплату. Даша от этих разговоров приходила в ужас, потому что прекрасно знала: больше платить они не могут. Дима обошел весь микрорайон, обклеив его объявлениями, чтобы найти вменяемых хозяев, во всяком случае, не таких жадных. Но никто так и не позвонил.

Даша, которая и так-то мужа не любила, за эти два года почти уже его возненавидела. А кто пообещал ей заботиться и оберегать? Сделать ее счастливой? Выходит, все это были только слова?!

Поздно вечером, когда муж, уставший, возвращался с работы, Даша цедила сквозь зубы:

- Привет.

И молча шла разогревать ужин, за которым тоже обычно молчала, чтобы не наговорить Диме резкостей. Так что тетина квартира, можно сказать, спасла их брак. Даша воспрянула духом.

- Вот теперь все будет хорошо - повторяла она как заклинание, торопливо собирая вещи.

Оказалось, с выводами она поспешила. Стало чуть легче, но все равно бедность была беспросветной и бесперспективной. А тут еще Дима заявил, что увольняется!

- Ты с ума сошел?! - рыдала Даша. - На что мы будем жить?!

- Голицын открывает свою фирму. Он хочет построить торговую сеть, концепция очень интересная. Небольшие магазины шаговой доступности, в которых есть абсолютно все, от спичек до элитного алкоголя. Главная ставка на провинцию, на дачников. Ну и Москву со временем охватим.

- И ты пойдешь работать к Дану?! - ужаснулась Даша.

- Он пообещал зарплату в два раза больше, чем у меня сейчас. Конечно, пойду! Побегу!

- Но ты же знаешь, как я к нему отношусь!

- Вам вовсе не обязательно встречаться - отвел глаза Дима.

- А откуда у Дана деньги? - сообразила наконец Даша.

- Он берет у банка кредит под залог своей квартиры.

– Господи, и не боится! – всплеснула она руками. – Я бы ни за что не стала так рисковать! Впрочем, у него жена богатая, он может себе это позволить – горько сказала Даша.

– Вот именно. – И Дима еле заметно вздохнул.

Даша давно уже в муже разочаровалась. Никогда Димка ничего не добьется. Тряпка, слюнтяй. Типичный неудачник. И гордости у Сажина нет! Никакого чувства собственного достоинства! Дан свистнул – и Димка побежал, как собачка!

Было так больно... Чутье ее, оказывается, не обмануло. Еще в институте было понятно, что Даниил Голицын многого добьется. А Димка Сажин... Тихоня и слюнтяй. Вымучил-таки свое счастье, заполучил девушку, которую бросил Дан. Но сделать для нее ничего так и не смог, хоть и пообещал.

– Я уже поняла: у нас никогда ничего не будет – горько сказала как-то Даша. – Ни нормальной квартиры, ни машины. Ребенок мерзнет на остановке в ожидании автобуса, а я ничего не могу сделать. Школа в одном районе, спортивный клуб в другом... Господи, как же я устала и измучилась! И на море я никогда больше не поеду. – И она зарыдала.

Дима молча погладил ее по плечу. Она стряхнула его руку и сверкнула глазами:

– Надо что-то делать!

Так у нее появилась идея создать собственный журнал. Тема, разумеется, психология. Со временем, когда жизнь наладится, это войдет в моду. Сама Даша очень неплохо пишет, живо, занимательно. И связи у нее остались еще со студенческих времен. Главное, не сидеть сложа руки.

И она начала свой бизнес. Отговаривали Дашу все, кроме мужа. Который говорил, что все у нее получится. И оказался прав! Она уже поняла, что Димка – идеальный номер два, терпеливый и добросовестный исполнитель. Но сам он инициативу проявить не способен.

– Когда тебя, наконец, повысят? – допытывалась она.

– За что? – усмехался муж. – За то, что я друг генерального директора? В одной комнате в студенческой общаге когда-то жили? К тому же на дворе кризис.

– Ничего-то ты не можешь! У тебя отсутствуют амбиции, Сажин! Тебе ничего не надо!

– Кроме тебя – тихо сказал Дима.

– Но мне надо больше! Понимаешь?

Она не замечала, что муж погрузнел. Иногда и вовсе приходил домой чернее тучи. На работе у него не ладилось. Даша была уверена, что они конфликтуют с Даном.

Но собственные хлопоты поглотили ее целиком. Ей надо было во что бы то ни стало выжить в кризис. Не потерять свой журнал, который теперь не приносил прибыль. Но главное – это выжить, хотя бы не оказаться в минусе. И они выжили.

Кризис миновал, все понемногу восстанавливалось. Когда же наконец начало получаться и издательский бизнес стал приносить первые доходы, Даша, придя в прекрасное настроение, смеясь, дразнила мужа:

– А кто говорил, что я не создана для бизнеса? Налоговой меня пугал, а? Справилась я с твоей налоговой! И в бухгалтерии начала разбираться! Эх ты, «менеджер» недоделанный!

Появились и первые настоящие деньги, и тут же Дима стал уговаривать жену поехать на юг. А лучше за границу, на модный курорт.

– погоди, вот решим квартирный вопрос – отнекивалась Даша. – Сколько можно ютиться в этой халупе? Алиса который год за шкафом спит!

Однушка в которой они жили, так же как и прежняя квартира, съемная, была разделена на две зоны, «взрослую» и «детскую». Роль стенки выполнял обычный платяной шкаф, оклеенный сзади, со стороны «детской», обоями. За ним стояла кровать Алисы и висела полка с ее книгами. Даже своего стола у дочери не было, уроки Алиса порою делала на кухне.

Даша чувствовала себя ответственной за семью. Надо как-то выбираться из этой нищеты. Ради дочери, не жить же ей вечно за шкафом! Ну, не повезло с мужем, не добытчик, бывает. Зато как его обожает Алиса! Димка – замечательный отец.

– Ах, если бы мужчины умели рожать детей – не раз с улыбкой говорила Даша, глядя, как муж возится с ребенком. – Тебе бы, Сажин, пошло быть домохозяйкой.

Дима молча улыбался. Казалось, он абсолютно счастлив. Даша тоже начинала получать от жизни удовольствие. В самом деле, не все так плохо. Она – владелица журнала, пусть тираж его пока скромный, но ведь и Даша еще так молода. Тридцать с хвостиком, что это за возраст? Придет время – и ей будут давать интервью настоящие звезды. В очередь встанут! И тиражи журнала «Я моя» станут пятизначными, а потом и шестизначными. А потом и... В этот момент сердце Даши сладко замирало. А почему бы и ей не стать звездой?

Она старалась хорошо одеваться, хоть и ненавидела ходить по магазинам. Но встречают-то по одежке! Надо соответствовать своему статусу. Как-никак владелица журнала! Пришло время, и Даша купила мужу первую машину. Подержанную иномарку, но потом ни одной машине, даже последней, класса премиум, они с Димой так не радовались, как этой, первой! В общем, жизнь стала налаживаться, и вдруг...

Черт ее дернул договориться с Димкой о встрече у него на работе, чтобы вместе поехать потом по магазинам! О Дане Даша старалась не думать, повода встречаться у них не было. Трехлетний юбилей фирма Голицына отметила скромно, четыре года с момента основания «АНДА» вообще пропустили. Кстати, название сложилось из двух женских имен: Анжелика и Дарья. Ну и английская «N» для антуража. Еще и плакат придумали: «A N1 Да!» Мол, торговая сеть номер один, все сюда!

О работе муж рассказывал неохотно. Упоминал не раз, что они крутятся, как могут, кризис вроде бы преодолели, но перспективы туманные. Как, впрочем, и у всех. А в последнее время Дима стал частенько уезжать в командировки, говорил, что надо создавать и развивать региональную сеть.

– Ну а должность-то у тебя теперь какая? – допытывалась Даша.

– Я по-прежнему менеджер.

- Вот ты тупица! Учись у Голицына!

И вот она увидела наконец место работы мужа. И от этого «головного офиса» испытала страшное разочарование. От метро страсть как далеко, «АНДА» арендует два этажа у какого-то научного института, здание старое, давно уже требует ремонта, во дворе бардак – сплошные коробки. Муж, который встречал Дашу на крыльце, заметил ее взгляд и сказал:

- Внутри не все так ужасно. Может быть, зайдешь, глянешь?

- Чего я там не видала? – раздраженно сказала она. – Давай, Сажин, отпрашивайся быстрее у своего начальника, и поехали по магазинам! Алиса дома одна, и я переживаю.

- Да-да, конечно – заторопился Дима.

И в этот момент Даша увидела Дана. Сердце у нее упало: он был еще лучше, чем в студенческие годы, когда они встречались. Дан здорово изменился с того дня, когда Даша видела его в последний раз, стал таким значительным. Голицын явно преуспевал. Он был в отличном костюме, идеально пострижен и выбрит, от него пахло дорогим одеколоном. В общем, картинка из журнала. Мазнув по Сажиным взглядом, он равнодушно обронил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-andreeva/sed-moe-more>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)